

Степаненко К.Н.

ХИЛКОВ КАМЕНЬ

Москва 2023

«Ну что вы, военный, даже как-то неловко об этом говорить!

Уж поверьте на слово – на свете есть немало иных книг,

кроме Устава. И они не менее интересны!» -

Из беседы, подслушанной в купе поезда дальнего следования.

Зачин

История эта начиналась постепенно, как-то исподволь, что не совсем укладывалось в привычную для самого Матвея и его окружение схему, когда события происходили «вдруг» и требовали его немедленного участия в очередном «спасении» если не всего человечества, то какой-то его значимой части.

Осень в том году выдалась замечательная. Классическое «бабье» лето, с разноцветными листьями, украсившими еще сохранившиеся в городе деревья и так приятно шуршащими под ногами на природных просторах. Матвей был солидарен с А.С. Пушкиным, гениально описавшем свою нелюбовь к российскому лету – «любил бы, лето, я тебя, кабы не пыль, не зной, не комары да мухи...». На этом их сходство с гениальным поэтом заканчивалось, оставляя за скобками нейтральное отношение Матвея к слишком долгой и слякотной, московской зиме и скоротечной весне.

Удачная осень славно дополнилась «словно с неба упавшими» билетами на один из последних круизов речного лайнера по не столь утомительному недельному маршруту по волжских городам.

Отсутствие на судне этой новой псевдоевропейской конструкции прогулочных палуб с традиционным променадом и встречей на каждом круге со знакомыми лицами – «Какая неожиданность! И вы здесь... Давно отдыхаете? Позвольте полюбопытствовать – куда направляетесь? В Ярославль?! А мы – в Москву. Ну, до новых, не менее неожиданных встреч...», делало вынужденное пребывание в каюте несколько затянувшимся. И если

бы не бары, с их неутомимыми аниматорами и проводимыми кружками по художественной лепке свистков, а также неплохой коллекцией разнообразных бутылок, водное путешествие могло бы утомить.

Но были исконно волжские города с влюбленными в свой край экскурсоводами. Вот где была истинная поэзия и отдохновение!

Прекрасный городок Углич, где трагедия несчастного царевича Дмитрия дала начало великой Смуте и привела к появлению на российском престоле династии Романовых.

Милый Мышкин, жители которого достойны уважения за неумолимую энергию и стремление превратить в туристический центр место без каких-либо исторических к тому предпосылок. С каким умилением заезжие дамы глядят и покупают всевозможных рукотворных мышек, а также гуляют по туристическим закоулкам, где специально для них воспроизводят писк и звуки мышинных игрищ! Здесь Матвей вспомнил рассказы одного из своих наставников. Убеленный сединами ветеран рассказывал, что при отборе кандидаток на работу снайпером, диверсанткой или партизанской радистки, самым сложным экзаменом для девчонок были специально выпущенные на них мышь или змейка. Малейший изданный дамами при этом звук, не говоря уже о генетически заложенном в женской сущности пронзительном вопле, означал крах их боевых надежд.

Кострома... Словно продолжение истории Углича с его памятью о царевиче Дмитрие, в убийстве которого обвинили Бориса Годунова, в Костроме стоит Ипатьевский монастырь, считавшийся фамильным святилищем дома Годуновых. В этом же монастыре началась история правления Романовых, по легенде, спасенных Сусаниным. Сразу прилетела мысль о том, что и закончились Романовы в доме купца Ипатьева.

Вот и не верь потом в случайности и исторические казусы.

Как всё переплетено в русской истории!

Чашка

Настоящим открытием стал и старинный волжский Рыбинск. Уютный и с любовью восстанавливаемый центр города словно убаюкивал, вызывая историческую память о некогда прогуливающихся по этим улицам барышням и матронам в сопровождении дородных купцов – просолов (оптовиков, по-нашему), держащим в своих руках до половины российского бюджета тех времен.

Любуясь зданием городского музея, сделавшего бы честь любому из европейских городов, Матвей обнаружил, что стоит он у дома с табличкой «Кремль, 1». Экскурсовод подтвердила, что площади вернули её историческое название – Кремлевская. Взволнованные не этим судьбоносным событием, а показавшимися в конце улицы монастырским стенами и торговыми рядами, экскурсанты буквально уволокли не сильно сопротивлявшуюся даму с микрофоном «продолжать осмотр». Матвей же, влекомый своей бунтарской нелюбовью «ходить в стаде», сделал шаг в сторону. Дождавшись ухода группы, с которой ушла и жена героя, он зашел в давно запримеченную им антикварную лавку, витрину которой украшали разнообразные предметы как советского, так и прежнего прошлого.

Тяга к подобного рода развалам была страстью Матвея. Это было не навязчивое желание коллекционировать или купить за бесценок какой-либо раритет. Он просто дорожил возможностью увидеть и даже прикоснуться к судьбе незнакомых ему людей, уже прошедших свой земной путь, но проживших его нормальной жизнью, испытывавших такие же, понятные нам, чувства и оставивших следы своих душевных переживаний на всех этих

предметах. Просто глядя на экспонаты за стеклом музеев, ты теряешь половину восприятия. Вторая половина убивается торопыгой – гидом.

Впитывая глазами лишь эстетику вещи, ты не чувствуешь душу автора или хозяина, его радость или страдания. Матвей всегда завидовал археологам, прикасавшимся к своим находкам почти сразу после их владельцев, минуя ту череду посторонних рук, дыханий и мыслей, которые закрывают для нас истинную ауру много раз рассмотренных предметов.

Зайдя в полумрак антикварного магазина, Матвей всей кожей почувствовал облегчение, словно стряхнув с себя суету оставшейся за дверью современной жизни. Появившийся на звук дверного колокольчика продавец (или хозяин?), проявил завидный такт, не став сразу атаковать посетителя вечными вопросами. Этим он сразу завоевал расположение Матвея, не терпящего в людях суету.

Медленно протирая ветошью какой-то металлический предмет, он просто смотрел на Матвея, словно оценивая своего гостя. Затем спокойно отложил протираемую вещь в сторону, не пытаясь «впарить туристу» этот железный штырь под видом наконечника стрелы монгольского или княжеского ратника, гвоздя из челна Стеньки Разин либо еще какой местной диковины.

-Тихо сейчас, основной наплыв туристов схлынул. Можно ремонтом заняться. Вот, дверной замок чиню... Не спрашиваю, чем интересуетесь. Запасников у меня нет. Весь товар – перед вами. Вещи все с историей. Сдают ведь старички. У них и память только на прошлое сильна, да и поговорить любят. За тем и ходят. Особых денег за эти черепки да картинки не получишь. Но ходят почти каждый день. Узнать, а вдруг продалось? Да и поговорить. Ну смотрите, общайтесь с историей. Не буду мешать, - и он ушел за штору, демонстрируя полное доверие посетителю.

Да и что там было красть?

Матвей медленно пошел взглядом по полкам. Старые советские часы, дешевые репродукции в вычурных рамках и мазня доморощенных Левитанов. Несколько старых икон, вызывавших лишь чувство сострадания к тем, кто пришел их продавать. Это могли быть люди либо совсем из новых поколений, либо дошедшие до крайней степени нужды и духовного опустошения?

Внезапно внимание Матвея привлекла старая фарфоровая чашка, стоявшая на полке среди таких же осколков былых сервизов и столовых приборов. Привлекла своей невзрачностью и, в то же время, какой-то статностью и породой, что-ли. Больше похожая на чайный бокал, с круглым ровным корпусом, по всей поверхности которого виднелась почти стертая сетка штрихов и линий, заключенных в контур, напоминающий... Россию?

Внизу ясно читались буквы «Хилк». Затем на чашке был скол, после которого была видна точка и далее - отчетливая большая И.

Воспользовавшись отсутствием таблички «Экспонаты руками не трогать!», Матвей аккуратно взял чашку в руки, надеясь почувствовать какую-либо энергию. Тщетно.

-А, заинтересовались! Действительно редкий в своем одиночестве экземпляр, - продавец, словно из стены, материализовался за спиной Матвея, от неожиданности едва не уронившего чашку.

- Хотите её историю? Бесплатно! - продавец по-доброму улыбнулся.

От таких предложений не отказываются, и Матвей приготовился слушать.

-Чашку принесла пару недель назад незнакомая мне бабушка. Кроме этой чашки, из этого набора у неё ничего нет. Сказала, что осталась совсем одна и уезжает к родственникам, а выбросить память о своем деде у неё рука не поднимается. Еще сказала, что эта вещь точно кому-то нужна, и за ней обязательно придут.

А история чашки такова. Вы видели красивейшее здание рядом с нашей лавкой? Теперь это краеведческий музей. Не ходите, ничего интересного внутри нет. Но само здание было построено приглашенным итальянским архитектором на деньги местных купцов – просолов и стало второй после Новгорода зерновой биржей России. Да – да, тогда и Волга в этом месте была во много раз шире, и пристани шли отсюда до самого Ярославля. Рыбинск был столицей бурлаков! Ну, да сейчас не об этом...

После революции в доме был штаб Красной Гвардии, а затем – больница. В подвале больницы размещались поочередно чумное, тифозное, туберкулезное, а затем онкологическое отделение. Больных, особенно во время эпидемий, свозили со всей страны, поскольку, как гласит легенда, в этой больнице передовые врачи проводили опыты и искали вакцину. Поэтому и нужны были заболевшие из разных регионов России.

До сих пор люди говорят, что по ночам отчетливо слышат крики и стоны из нижних подклетей этого здания. Может, правда, а может – и очередная легенда для вас, туристов.

Так вот, дедушка этой самой бабули служил в этих страшных лазаретах фельдшером и, как считалось в их семье, принес эту самую кружку как подарок одного из выхоженных им больных. Кружку продезинфицировали, но никогда из неё не пили. Как говорил своим родным покойный дед – у неё другое предназначение!

После такой истории и, повинувшись сильному внутреннему побуждению, Матвей не мог не купить чашку. Искренне желая помочь одинокой старушке, он добавил к озвученной сумме еще одну солидную купюру, попросив вручить её бабушке в качестве бонуса. Продавец недолго боролся с совестью, что было заметно по его лицу. Совесть, видимо, победила и, уже в спину уходящего Матвея, он успел произнести – «А бабушка больше не приходила.

Телефона у нее нет, а адреса мы не записываем. Если еще месяц не появится, отнесу её деньги в церковь...»

Благими намерениями устлана дорога, известно, куда...

Ну да оставим это на совести продавца. Ему с этим жить.

Купленный сувенир вызвал, конечно, удивленную реакцию жены. Услышав несколько измененную историю, из которой была благоразумно изъята санитарно – заразная часть, жена благосклонно разрешила упаковать чашку в чемодан, предварительно вымыв её и завернув во что-то мягкое.

Оставшуюся часть путешествия Матвей провел в приятном созерцании и неге ничегонеделания. И даже неприятное впечатление от аляповато украшенной огнями, словно новогодняя елка, полузатопленной Калязинской колокольни, не смогло испортить общего благостного настроения. Хотя осадок от такого надругательства над памятью о затопленных деревнях и жертвах при строительстве водохранилища остался.

Михаил Иванович Хилков

Есть люди, появление которых в вашей жизни никак нельзя назвать банальным словом – “случай”.

Уйдя с государевой службы, Матвей довольно быстро вычеркнул из памяти множество имен и событий, вбитых когда-то в подкорку, или куда-то там еще, служебной необходимостью. Сначала стоило труда заставить себя не вспоминать, а, следовательно, не упоминать никогда и никому, прежние важные детали, а потом они и сами «замылились», канули в воды этой самой мифической Леты. Мимолетные контакты и знакомства, не переросшие в прочные деловые, либо устойчивые приятельские отношения, так же постепенно отходили на второй план. И если

судьба услужливо не подставляла их снова на жизненный путь Матвея, то он бессознательно относился к ним, как к некогда нужным, но ставшим невостребованными вещам в своем обиходе. Это был один из основных принципов Матвея, хотя и не всегда одобряемый его семейным окружением, но позволяющий бороться с захлаплением. Этот принцип гласил – «Если вещь не понадобилась в течении года, она – бесполезна и подлежит утилизации!».

После такой утилизации внутреннего архива памяти «о былом», в ней постепенно остались, в основном, лишь яркие семейные воспоминания, эпизоды общения с друзьями, о коих напоминали фотографии, рассказы и сами эти друзья и домашние.

Тем важнее для Матвея становились появившиеся в его «второй» жизни интересные люди, примечательные не просто тем, что сами представляли из себя загадку и клубок еще не познанных тайн и возможностей, а главным образом тем, что делали текущую жизнь интереснее, не позволяя «закиснуть в рутине будней».

Одним из таких людей и стал некогда внезапно появившийся в жизни Матвея, но так и застрявший в ней Аполлинарий Инокентьевич Мусин-Залесский. За роскошным именем скрывался (а этот эпитет здесь подходил как нельзя лучше) внешне ничем не примечательный человек, с обликом сказочного старичка – боровичка. Ученый – теолог с мировым именем, он был интересен Матвею не только своими знаниями в области мировых религий и принадлежностью к мистическим и закрытым от внешнего мира русским старообрядцам, но и своей готовностью делиться. Делиться болью и радостью, желанием помогать восстановить справедливость.

Многие готовы сказать о себе такие же слова, но понятие справедливости у всех разное, и всяк толкует его по-своему. Все доселе известные попытки человечества сформулировать это понятие в едином для всех виде, будь то догматы различных

вероисповеданий, программ глобальной и политических партий и призывы философствующих «гениев», как известно, успехом не увенчались. Так и живет каждый со своим мерилom справедливости. Одни, после попыток осмысления, прячут этот эталон глубоко внутри себя, любимого, позволяя лишь изредка, контрольным словом или фразой, проверить реакцию собеседника.

Другие, не утруждая себя мыслительным процессом, пытаются силой доказать свое превосходство в определении истины. Успокаиваются, лишь получив «по сусалам». Если это происходит не в банальной драке, а в масштабах, превышающих одну деревню, то для остального человечества – это благоприятный исход. Ибо победа такой убежденности лишь в собственной правоте ведет к историческому краху.

За примерами далеко ходить не надо.

В случае с Мусиным – Залесским, которого Матвей, для краткости, называл просто – «Профессор», им удалось, не прибегая к длительным дискуссиям, понять родство своих нравственных убеждений и даже воплотить свое видение правоты и справедливости в практических «деяниях».

А еще внука «Профессора», помимо небесполезных навыков лингвиста и искусствоведа, пекла чудные плюшки, что, само по себе, не могло не вносить скрепляющую ноту в их личное общение.

Общались они довольно редко, хотя обоим было интересно это общение не только с точки зрения узнавания чего-то нового, но чувствовали они взаимную приязнь.

Профессор терпеть не мог различного рода учреждения современного общепита, откровенно брезгуя как самой едой, так и обстановкой в них. Поэтому их редкие встречи строго по определенному поводу проходили в уютной профессорской квартире в тени старомосковского дворика.

Вот и в этот раз Матвей был приглашен к профессору на торжественное чаепитие по случаю представления жениха профессорской внучки. «Жених» оказался бородатым и долговязым очкариком, отнюдь не богатырского телосложения. В силу многолетней привычки Матвея сразу давать встреченным людям псевдонимы (не засоряет память разовым вводом бесполезной информации. Позднее, если контакт получает развитие, объекту даруется право на именование по имени...) жених профессорской внучки стал «Паганелем».

Он оказался историком, специалистом по промышленному развитию дореволюционной России, имел ученую степень и ряд авторских работ. Как с гордостью сообщила его невеста, «Паганель» консультирует все крупные русские музеи и западные исторические общества, а также читает лекции в университетах «всего мира».

Воспользовавшись тем, что счастливая пара вышла на кухню, Матвей спросил профессора:

- А что, женишок тоже придерживается канонов истинной старообрядческой церкви?

- Пока нет. Общение с вами, Матвей, сподвигло меня к пониманию того, что и отрицающие Бога могут быть полезны и интересны. Кроме того, зная характер и боевой настрой своей внучки, могу предположить, что в скором времени она приведет в лоно нашей церкви еще одного убежденного сторонника.

Уж если она меня заставила смотреть эти политические толковища с их клоунами-ведущими, политиками разговорного жанра и приписанными к студиям псевдоэкспертами, то уж мужа своего она легко обратит в нашу веру.

Подумать только, он меня заставила попробовать кофе с этим самым, богомерзким бургером. Меня!!!

Тираду профессора, под языком которого, по меткому замечанию Р. Киплинга, скопилось немало колючек для «неправедного» мира, прервало появление в комнате жениха и невесты с двумя блюдами, заваленными бесподобно пахнущей выпечкой.

Многомудрый Матвей тут же перевел тему беседы, став рассказывать о своем недавнем путешествии по Волге. Все приняли живейшее участие в обсуждении, с учетом своих профессиональных знаний. Не мог Матвей не упомянуть о своём приобретении, рассказав историю чайной чашки. Словно в подтверждение своих слов он показал сделанные телефоном с разных ракурсов фотографии чашки с её странным узором.

- Разрешите ваш телефон, - вдруг попросил «Паганель», - и позвольте воспользоваться здесь моим компьютером.

Просьба была настолько неожиданной, и произнесена таким серьезным голосом, что даже Матвей не счел возможным возразить и безропотно протянул свой телефон «Паганелю». Тот принес в комнату потертый портфель, извлек из него ноутбук и подключил к нему телефон. Сотворив несколько манипуляций с клавишами, он показал присутствующим выполненный монтаж из фотографий, сложившихся в ... карту России с нанесенным на неё пунктирами и линиями планом дорог. Дорог было мало для такой огромной страны, но их очертание было весьма знакомым.

Не дав зрителям сообщить свои мнения, «Паганель» вызвал на экран новое изображение, на этот раз географической карты дореволюционной России с четко прорисованными линиями, соединяющими крупные города. Еще одна манипуляция с клавиатурой, и обе карта оказались совмещены, показав почти полную идентичность. Рисунок, взятый с чашки, отличался лишь наличием многих дополнительных линий, обозначенных штрихами.

- Смею предположить, - голос «Паганеля» звучал строго и авторитетно, словно у лектора на высокой академической кафедре,
- что скрытая сколом на чаше подпись означает «Хилков М.И.»

Предваряя вопросы, «Паганель» уже примирительным голосом продолжил.

- Извините за мой наставнический тон, но темой моей дипломной работы в университете была организация железнодорожной сети в России до 1917 года, а Михаил Иванович Хилков, как самый эффективный царский министр путей сообщения, не мог выпасть из поля моего внимания. Если вам интересно, могу рассказать об этом человеке и его планах.

Никто не возражал, и «Паганель» начал свой рассказ.

- Княжеский род Хилковых - Стародубских ведет свое начало от самого легендарного Рюрика. Михаил Иванович окончил высшее учебное заведение для российской знати - Пажеский корпус. Прослужил несколько лет в гвардейском егерском полку и в звании штабс-капитана неожиданно для всех подал прошение об отставке. Перешел он в Министерство иностранных дел, совсем не престижное учреждение того времени.

В России тогда развернулось движение за освобождение крестьян. Хилков примкнул к сторонникам крестьянских свобод, освободил своих крепостных, отдав им большую часть своих земель, и уехал... в Европу, а затем в Америку. Свои средства у него быстро закончились, помощи у богатых родственников он не просил. Известно, что в 1864 году он устроился в американскую железнодорожную компанию «Трансатлантик», где быстро вырос от рабочего до начальника службы подвижного состава. Перед ним открывались блестящие служебные перспективы, но он всё бросает и уезжает в Англию, где устраивается слесарем на паровозный завод в Ливерпуле. Дойдя в карьерной лестнице до начальника производства, он опять все бросает и возвращается в Россию. Работая в министерстве путей сообщения, он почти на год уезжает

в Болгарию, где фактически возглавляет путевое направление в правительстве этой страны. В России он руководит постройкой железных дорог в азиатском регионе и Сибири. Одновременно под его руководством планируется и строится сеть автомобильных дорог вдоль Черного моря.

В 1895 году он становится министром путей сообщений России. Во время русско-японской войны, уже в весьма преклонном возрасте, он руководит строительством транссибирской дороги. Страна нуждалась в быстрой организации снабжения армии, и Хилков применяет упрощенную американскую схему укладки путей. Кстати, эти шпалы из неровно обрезанных стволов деревьев и наспех отсыпанные основания для путей до сих пор работают на некоторых ветках сибирских дорог.

Но особую известность Хилкову принесло организованное им железнодорожное движение прямо по льду Байкала, которое позволило России наладить снабжение армий и флота на Дальнем Востоке и тем самым избежать полного разгрома от Японии.

И еще Михаил Иванович Хилков вошел в историю как практически единственный не коррумпированный министр царского правительства. Его заветной мечтой было строительство обширной сети железных и автомобильных дорог, которые охватывали бы всю территорию России. Особенно Сибирь и Дальний Восток. Без этого он не видел будущего нашей страны.

В этой связи, уважаемые, было бы логичным предположить, что на схеме, любезно предоставленной нам Матвеем... Извините, не знаю вашего отчества?

- Просто Матвей, - скромно потупил взор «просто Матвей». Тут же вспомнив кучу не всегда приличных анекдотов по поводу такого представления.

- Так вот, на этой схеме, столь остроумно изображенной по заказу Хилкова на чайной чашке, а возможно и на остальном, не дошедшем до нас сервизе, смею предположить, линиями

изображены действующие железнодорожные линии, а пунктиром – планируемые или задуманные великим гением-инженером!

Если не возражаете, уважаемый Матвей, я воспользуюсь представленной мне возможностью ознакомиться с этой схемой и, возможно, предложить её в соответствующее ведомство министерства путей сообщения.

Закончив выступление, «Паганель» церемонно раскланялся, как на академической кафедре, справедливо ожидая оваций.

Оваций не было. Маша влюбленно смотрела на своего жениха, профессор и Матвей вдумчиво поглощали сдобу, попивая ароматный чаек. Их мысли витали... Кто их знает - где, но витали....

Первым осознал важность момента Матвей.

- Конечно, можете использовать эту схему. Я даже рад, что она кому-то может быть полезной. Это, несомненно, обрадовало бы самого Хилкова.

Отдаю должное вашей памяти, особенно с учетом того, что ваша дипломная работа была посвящена несколько иным вопросам, нежели личность этого талантливый инженера и, выражаясь современно, топ-менеджера, - нарушил он молчание.

«Паганель» снова оживился.

- Да, я исследовал дореволюционные экономические показатели работы российского транспорта, его эффективность и применяемые при этом технологии и методики расчётов. Если хотите, я могу кратко...

- Нет, нет. Как-нибудь в другой раз, с удовольствием обсудим эту тему, - при одной мысли о реакции дома на его поздний приход умирало любое желание выслушать интересный доклад, - но я бы очень хотел передать обретенный мною предмет потомкам Михаила Ивановича. Это же очень важно – историческая память семьи...

«Паганель» грустно замотал головой.

- Мне ничего не известно о родственниках Хилкова. И в технических справочниках, которыми я тогда пользовался, боюсь, нет иных данных, кроме тех, которые я уже изложил.

- Кхе, кхе, - подал голос профессор, - подумалось мне... Есть у меня знакомец в справочном отделе Исторического музея. Возглавляет секцию рукописных материалов. Систематизирует и, как вы говорите, «оцифровывает», бумажные первоисточники. Копаются в родословных, дневниках, письмах и личных архивах давно ушедших. Часто помогает нам при нахождении наших единоверцев, коих, как вы знаете, Матвей, разбросала судьба по весям.

Ученый муж сей весьма компетентен. Не безгрешен - чревоугоден и не всегда воздержан. Большой любитель чебуреков.

Взяв координаты «справочного историка» и обязательный пакет со свежее испеченной сдобой, отбыл Матвей домой, не переставая думать о хитросплетениях судеб человеческих и уже подозревая о том, что не просто так началась и эта история.

Словно подтверждая эту догадку, в темноте подъезде профессорского дома внезапно зажглась одна из давным-давно перегоревших лампочек. Правда, тут же погасла. Но и этого краткого озарения хватило Матвею, чтобы увидеть воткнутый в боковую створку второй двери нож. Первой мыслью Матвея было предположение о криминальном характере ножа, требовавшего позвонить в полицию и не трогать нож. Но, убедившись в отсутствии кого-либо из свидетелей, Матвей внимательно рассмотрел при помощи подсветки из своего телефона этот предмет. С огромной силой воткнутый клинок ножа был явно выкован вручную. Костяная рукоятка представляла собой фигурку, похожую на древнее изваяние. Эдакая миниатюрная обнаженная «скифская баба», с грубо и примитивно-точно вырезанными

анатомическими подробностями. В живот фигурке был врезан минерал голубовато-зеленого цвета.

Одно стало ясно – нож явно некриминальный, а просто «случайно потерян кем-то». Ну, просто обязательно надо было его взять! Во-первых, Матвей был страстным любителем и коллекционером различного рода ножей и короткого холодного оружия, где ограничением было только почитание Уголовного кодекса. Во-вторых, что-то необъяснимо упорное толкало Матвея на присвоение ножа, накатывая словно наваждение. Но в этом он никогда и никому не признался бы.

Даже под угрозой отобрать нож.

С трудом вынув клинок из двери, Матвей убедился в отсутствии следов крови на лезвии, тщательно протер нож носовым платком и положил в свой портфель, на ходу сочиняя версию этой находки для вероятного наряда полиции. Полиции не было, как не было замечено ничего подозрительного. Чисто автоматически он успел отметить нетипичное в это время года и суток колыхание верхушек и ветвей деревьев вдоль дороги и у входа в свой подъезд, но это могло быть уже связано с психикой самого Матвея.

Дома, успокоившись и заставив себя с аппетитом поужинать – чтобы успокоить домашних, хоть и не просто это было сделать после профессорского угощения, Матвей в своем кабинете еще раз внимательно осмотрел нож. Вторичный осмотр не принес никаких новых деталей. Кроме того, что вставленный в рукоятку минерал был виден с двух сторон фигурки, живота и спины. И если посмотреть сквозь него на свет, лампочки, например, он весь лучился и словно сам излучал поток света.

Просто оставить у себя дома таким странным образом попавшее к нему оружие – а нож был именно оружием со своим почти двадцатисантиметровым лезвием и уликовой, по мнению уголовного кодекса, рукояткой, Матвей не мог. Конечно, у него

были связи, чтобы просто отдать нож на исследование в криминалистическую лабораторию наших уважаемых внутренних органов. Это означало бы в худшем случае «обнаружение» за ножом криминального следа, а в лучшем – интерес к артефакту кого-либо из служивых. В любом случае, нож бы бесследно пропал, чего Матвей никак не мог допустить.

«Нет! Мы пойдем другим путем!» - была последняя перед сном мысль Матвея. Спалось тревожно. Неясная мысль о чем-то несделанном и предстоящих тревогах не давала полностью погрузиться в объятия Морфея.

Архивные «мышки серые»

Через несколько дней, занятых обычной, пустой, но казавшейся такой нужной, суетой, Матвей созвонился со «справочным историком», рекомендованным ему профессором. Как всегда, ссылка на Аполлинария Инокентьевича Мусина – Залесского оказала свое волшебное действие, и вот Матвей входит в строго охраняемый, но внешне неприметный дом «в окрестностях Кремля». Насквозь просвеченный и тщательно обысканный, лишенный телефона и своего портфеля он удостоивается встречи в специально оборудованном кабинете с нужным специалистом. Рослый, плечистый, могуче-бородатый, тот, в своем обтекающем обширное пузо халате, производил грозное впечатление. И беседу он вел велеречиво, раскатисто, словно снисходя к собеседнику. Впрочем, от Матвея не укрылась паутинка синеватых жилок – вен под глазами и легкое дрожание могучих рук, которые «глыба науки» старался держать либо сцепленными перед собой, либо в карманах и так почти трещавшего на нем халата. Поэтому Матвей не стал тратить время на дипломатические экивоки, а спросил прямо.

- Давно ведь мы с вами хотели съесть по прожаренному чебуреку в известном вам заведении на Площади Ногина?

«Глыба науки» как-то обтек, подобрел суровым лицом и испуганно обвел глазами комнату.

«Бойтся прослушки! Хороший признак!» - понял Матвей, продолжая радостно улыбаться собеседнику.

- На Сухаревской. Сегодня. В 19, - быстро, но тихо сказал бородач. И добавил, уже громко.

- Спасибо, что зашли. Переданные вами материалы находятся в стадии изучения, и я надеюсь, что скоро смогу сообщить вам результаты.

До контрольного времени Матвей успел съездить домой и взять упакованные чашку и нож, благоразумно избежавшие похода с ним в «тщательно охраняемое, но неприметное здание в окрестностях Кремля». По старой и весьма полезной привычке он был на весте запланированной встречи за пятнадцать минут до назначенного времени, чтобы убедиться в отсутствии опасности. Чебуречная на Сухаревской, ровно, как и на Площади Ногина, были культовыми местами Москвы, и Матвей не сомневался, что правильно понял «историка».

Восхитительное качество чебуреков, легальная продажа «возлияний» и ограниченное число столиков, за которыми можно было только стоять, делали это место весьма привлекательным для горожан среднего социального уровня. Очередь там была чисто символической, народ в заведении не задерживался. Долго за столиком не простишь, чебуреки быстро остывают, да и наедаешься ими быстро. Поэтому можно и с товарищами «накоротке» пообщаться и домой поспеть к ужину, до начала семейных разборок.

Бородач вышел из метро и подошел к заведению ровно без пяти семь, демонстрируя такт и воспитание.

Опуская вкусные подробности этой встречи, суммирую.

Матвей изложил свою просьбу по поиску потомков Михаила Ивановича Хилкова. К просьбе он приложил многострадальную чашку, попросив узнать, если ли в запасниках музеев другие предметы из этого сервиза. К просьбе и чашке была приобщен конверт с серьезной суммой в рублях – «на оперативные расходы». Всё переданное было благосклонно принято и упаковано в недра объёмистого, но аналогии с хозяином, портфеля.

Повторив чебуреки и прилагаемое к ним, Матвей рассказал «легенду» о «подаренном» ему ноже и попросил, по возможности, провести его тщательное обследование.

- Надеюсь, вы заплатили за него. Любой металлической денежкой. Иначе – плохая примета... - несмотря на количество съеденных чебуреков и выпитых чекушек, голос историка был ровен и величествен. Что значит, школа и масса тела!

- Конечно! Вот он, - Матвей достал сверток, - не хочу разворачивать, дабы не привлечь излишнего внимания. Мне кажется, он имеет свою историю, и если бы вы могли...

- Немного не моя тема. И я очень сомневаюсь, что смогу пронести в лабораторию нож, а главное – вынести его потом. Вы же видели нашу систему досмотра. Она касается как посетителей, так и сотрудников. Чашку я смогу пронести под предлогом её естественного использования. А вот нож... У меня есть хорошие знакомые, специалисты, с полным набором аппаратуры и знаний, но работающие в не столь тщательно охраняемых местах. Если вы мне доверяете, я мог бы их попросить. Сохранность артефакта гарантирую.

Второй конверт переключался вслед за ножом в тот же портфель.

Условия связи были оговорены, третий заход на запасы чебуречной был успешно совершен, и сытые, но довольные, участники встречи разошлись по домам.

От домашнего ужина Матвей храбро отказался. Понюхав мужа, жена, как всегда, угадала – «Чебуреки?» и мирно отпустила спать, ибо этот вариант не предполагал угрозы их семейному счастью.

Спалось в этот раз хорошо. Может, внутренний голос успокоился, а может – чебуреки с «дополнением» принесли искомый мир и покой.

Неделя, заполненная суетой ноябрьских праздников и предновогодними хлопотами, пролетела быстро, но Матвей ждал звонка. Ждал с непонятной ему самому тревогой и волнением. Формального повода к этому не было; в худшем случае он мог бы просто потерять сколотую чашку и чудом попавший к нему, пусть и красивый, ножик. Как там в пословице – «Легко пришло – легко уйдёт!».

Но всё равно, было как-то... простите за дурацкое слово, волнительно.

«Историк» позвонил вечером, сказал, что у него есть «кое-какие» новости и попросил о встрече, на которую он хотел бы пригласить «своего хорошего знакомого, поработавшего с артефактом». Встреча втроем, да еще с возможным обменом ценной информацией, требовала более серьезного места, чем чебуречная, и встречу Матвей назначил в хорошо известной ему харчевне «У Ржевского», обстановка в которой позволяла и вкусно поесть, и спокойно поговорить. Да и располагалась харчевня недалеко и от метро, и от Кремля.

Бородач пришел один, и, предваряя возможные вопросы Матвея, сразу перешел к деловой части разговора, не забывая аппетитно вкушать в «одно лицо» заранее заказанный Матвеем

кусочек прекрасно прожаренной говядины и наливать себе одну за другой из запотевшего графинчика.

- Товарищ подойдет через полчаса. Я ему доверяю, но хотел бы сначала поговорить с вами наедине.

Сначала о Хилковых и чашке. В московских музеях и внесенных в реестр музеях России других предметов этой посудной коллекции нет.

По учтенным нами документам по Михаилу Ивановичу Хилкову я составил вам справку, - бородач передал Матвею несколько страниц, вложенных в прозрачный файл, - извините, не на флешке. Нашу работу контролируют через компьютер.

Единственным пережившим отца ребенком была его дочь, Евдокия Михайловна Шубская-Хилкова, ушедшая в мир иной в 1932 году в одном из лагерей НКВД. Муж её, как следует из протокола допроса, сразу после революции уехал за границу. Записей о наличии у неё детей найти не удалось. Потому почти с полной уверенностью могу сказать, что прямых потомков графа Хилкова вы не найдете. Если только чудом каким-то...

В этой связи у меня к вам просьба. Не могли бы вы оставить эту чашку в нашем музейном фонде? Вам она едва ли понадобится, хранить её на полке или на чердаке неудобно. А вдруг она еще послужит науке?

Матвей не возражал, хотя оброненная бородачем фраза о контроле за его служебным компьютером насторожила. И даже не сам факт контроля – это обычное дело в любом серьезном офисе, а уж в государственном музее! Насторожило Матвея то, что «справочный историк» об этом знает и боится этого контроля. Но пока Матвей счел правильным промолчать.

- Что касается моего приятеля, который скоро должен подойти, - продолжил бородач, - хотел предупредить вас.

Сейчас зародился огромный спрос на наше прошлое. Людей, и серьезных людей, интересуется история их рода. Особенно, если это связано с наследством или иными активами семьи. Государственные лаборатории при музеях не всегда могут работать по таким запросам и обязаны информировать об этом правоохранительные органы. Что не всегда устраивает клиентов. Поэтому лет десять назад группа экспертов организовали частную, так сказать, лабораторию. Была приобретена необходимая аппаратура для спектрального и иных видов анализа. Работают там высококлассные специалисты, многие из которых сохранили рабочие места в государственных учреждениях. Я понимаю, что это может быть не совсем законно, но надеюсь на ваше слово. И Аполлинарий Инокентьевич за вас поручился....

- Короче, ваш приятель трудится в такой шарашкиной конторе? Не бойтесь, сообщать никуда не стану. Это – сугубо мой личный вопрос, - Матвей понял причину страха бородача, который и сам, видимо, исполнял частные заказы.

-Спасибо. Но это еще не всё. Приятель долго интересовался у меня происхождением ножа и настойчиво спрашивал, о чем вы просили меня. Я назвал фамилию Хилкова...

- И..?

- Я рассказал, что вы хотели вернуть чашку его потомкам. Но потомков найти не удалось. И чашку – это он её попросил, хотя долго её фотографировал и даже брал для исследования в свою, как вы изволили выразиться, шарашкину контору.

Возможно, и у вас он будет просить продать ему нож. Смотрите, не продешевите. Артефакт явно дорогой, да еще если ему или его клиентам так нужен. Может, и меня каким процентиком с продажи побалуете...

Сдержал себя Матвей. Хотя явно представил себе свой кулак, вонзающийся в толстую бородатую морду. И даже струю крови из перебитого носа и окровавленного рта увидел.

Не став доставать из кармана приготовленную для «справочного историка» купюру – «за дополнительные хлопоты», Матвей просто кивнул головой и откинулся на спинку стула.

В этот момент с радостным криком – «А вот и наш друг пришел!» бородач шумно выбрался из-за стола и принялся обнимать вошедшего в зал худощавого человека средних лет в огромных очках, чудом держащихся на вздернутом длинном носе.

Кличка пришла Матвею в голову сама собой. «Буратино!».

С трудом выскользнув из медвежьих объятий бородача, «Буратино» подошел к Матвею, и, протянув свою маленькую, сухонькую ладошку, невнятно представился. Да его имя и не интересовало Матвея. «Надо будет, везде найду!» - так, примерно, думал наш герой, ожидая появления в зале группы захвата из трех (или, лстя себе, пяти) крепко сбитых парней.

Но больше никто не зале не появился. Матвей вяло пожал протянутую ему ручонку, буркнул своё имя и предложил «Буратино» присесть.

Бородач тоже направился, было к своему стулу, но Матвей опередил его.

- Полагаю, уважаемый, мы с вами закончили наш разговор. Спасибо за новости, хотя и не очень утешительные. Чашка – ваша, вплоть до продажи её какому-нибудь состоятельному клиенту, - пожимая руку бородачу и подталкивая того к выходу, Матвей выразительно посмотрел на вдруг покрасневшего «Буратино», - надеюсь на возможность новых встреч, если мне вдруг понадобится покопаться в прошлом.

Было заметно некое подобие борьбы «сумо», где соперники пытаются вытолкать друг друга из круга. Правда, обошлось без притоптываний и хватания за воображаемые пояса. Несмотря на разницу в весовых категориях, молодость и напор победили.

Бородач, бормоча что-то про «собачий кулек» и жмотов, был вынужден покинуть харчевню.

Как в шахматной партии, Матвей и «Буратино» устроились на стульях друг напротив друга, обмениваясь далеко не нежными взглядами.

«Буратино», протянув Матвею завернутый в бумагу нож, молчал, выдерживая паузу, и наш герой заговорил первым.

- Что вам заказать? Вашему другу понравилась «говядина по-гусарски». Водочки?

- Благодарю вас. На работе был маленький фуршет, так что не откажусь от чашечки хорошего кофе.

Обменявшись еще парой таких же, ничего не значащих фраз, Матвей перешел в наступление.

- Наш бородатый приятель сообщил, что вы, взяв на себя труд провести исследование доставшегося мне в подарок ножика, хотели рассказать о результатах мне лично.

- Да, хотел. И разговор у нас будет длинный, или короткий. В зависимости от вашей реакции. Итак, аналогов вашему ножу в известных нам картотеках не значится. Клинок выкован вручную из углеродистой стали с большой примесью так называемого метеоритного железа. Сталь пористая, что позволило провести анализ сферы его применения. Свежей человеческой крови, равно как и крови животных, на клинке нет. Есть второстепенные признаки того, что нож мог быть использован как ритуальный, для приношения в жертву...

- Кого? – не сдержался Матвей.

- Да кого угодно. Вернее, кого угодно богам, - по губам «Буратино» пробежала узкая, как змейка, улыбка. После чего он продолжил.

Рукоять вырезана из коренного зуба очень крупного хищника. Скорее всего, медведя или тигра. Минерал вставлен в рукоять так искусно, что извлечь его, не повредив костяную оболочку, не представилось возможным.

Потому нами было принято решение исследовать его в таком виде, что существенно ограничило возможности по установлению точного возраста минерала, места его происхождения и наличия на нем следов механической обработки.

Могу утверждать, что это – прازیолит, разновидность кварца. Другое название – зеленый или луковый аметист. В природе встречается в изверженных или вулканических породах вместе с аметистом. Его добывают, или, вернее сказать, находят в Индии, Бразилии, Канаде, Польше, многих странах Африки. В России прازیолит встречается в Сибири, в частности, в Приамурье.

В ювелирном деле минерал, в силу своей прозрачности и широкой цветовой гаммы, используется для имитации более дорогих драгоценных камней. Сейчас в природе он встречается редко. Иногда его получают, нагревая до высоких температур аметист, цена которого, естественно, ниже, чем у природного прازیолита.

Искусственно окрашенный аметист может потерять приобретенный оттенок. Но это случится через 5 – 6 столетий, так что все современные владелицы украшений из этого минерала могут спать спокойно. А их праправнучки не будут знать первоначального оттенка наследственных украшений.

Кстати, о цене. Если захотите продать этот, как вы изволили сказать, ножик, могу предложить вам... – он написал на салфетке цифру с многими нолями и показал её Матвею, быстро спрятав затем салфетку в карман.

- Пожалуй, нет, - Матвей заставил себя улыбнуться самой широкой из своих улыбок, - в деньгах я не нуждаюсь, а подарок

друга как-то неудобно продавать. Вы сказали, что разговор будет долгим? Вы же не цену ножа собирались обсуждать?

- Нет, конечно. Боюсь лишь, что из-за вашей непримиримой позиции и негативного ко мне отношения длинный разговор не получится...

- С чего вы взяли, что я к вам отношусь негативно?

- Помимо камней, я хорошо разбираюсь в людях и умею читать по лицам. Думается мне, что наш бородатый и не в меру болтливый друг рассказал вам нечто обо мне. Давайте, вы посидите и подумайте о моем предложении, а я схожу «попудрить нос». Не знаете, где здесь можно это сделать?

Ну, вертелось на языке – «Для вас – везде!», но попытка так неуместно пошутить была усилием воли подавлена, и Матвей кивком показал на нужную дверь.

- Давайте, я вас провожу. Там есть курительная комната... - идея пришла стремительно. Матвей не курил, но знал, что в предбаннике туалетов действительно была курительная комната, в двери которой всегда был ключ, которым пользовалась уборщица во время своего обхода.

Они вошли в комнату. Матвей стал хлопать себя по карманам, якобы ища курительные приборы. «Буратино» же, быстро убедившись в правдоподобности ситуации, зашел в одну из кабинок. Когда он вышел, Матвей стоил напротив, держа в руке нож. Дверь курительной была закрыта на ключ, так что никто им не мешал.

- Встаньте у дверцы кабинки и не шевелитесь, вы, знаток человеческих лиц и мыслей, - Матвей положил нож поперек своего указательного пальца, - видите, клинок перевешивает рукоятку. Это значит, что при правильном броске из любого положения нож войдет в цель точно клинком. Вопрос лишь в точности броска. Я

давно не практиковался и, если при моем желании попасть рядом с вашим ухом нож немного отклонится, прошу вас меня извинить.

Глаза «Буратино» за стеклами очков быстро замигали, лоб покрылся бисеринками пота, а язык стал стремительно облизывать ставшие вдруг сухими губы.

- Я все понял. У меня семья, дети. Я не буду делать глупостей. Вернемся за стол. Здесь неудобно говорить. Вдруг кто-то захочет войти?

Вот и золото появилось...

Предложение было не лишено логики, и они спокойно вернулись на свои места. Матвей оплатил уже ждавший их счет и попросил пару чашек кофе. Глядя на свой несъеденный кусок мяса и добротные закуски, ему тоже захотелось попросить с собой «собачий кулек», но побоялся, что, обремененный пакетом, не сможет легко управиться с ножом. А так хотелось обрезать «Буратино» хоть одно ухо!

- Итак, Матвей, наш не в меру алчный и болтливый бородатый друг, видимо, уже поведал вам, что услугами нашей полулегальной лаборатории пользуются проверенные люди, любящие прошлое и историю. Любят они их в материальном виде артефактов, предметов искусства и драгоценностей. И не только собственных семей, но и всей России. У нас до революции было достаточно богатых семейств, а вывезена из России и промелькнула на международных аукционах ничтожная малость этих богатств. Это я не говорю еще о Второй мировой, и ценностях, награбленных немцами. У всех на слуху истории о том, как украденное белочехами золото Колчака, бывшее перед эти царским, стало основой процветания Чешского национального банка! Как Ротшильд создал империю доллара на деньги русских

императоров! Как Ватикан построил свое финансовое могущество на золотых коронках и деньгах в том числе и русских евреев, сгоревших в немецких концлагерях!

Менее известны истории русских ювелирных произведений искусств, которые сумели вывезти из России после революции и которые украсили затем многих мировых знаменитостей. Одни Юсуповы одели в ожерелья, перстни и диадемы половину королевских и банковских домов Европы.

А сокровища английской королевы! Эта история достойна пера Шекспира. Не захотев спасти несчастного российского императора Николая Второго и его семью от неминуемого расстрела, английские монархи через свои спецслужбы сумели вывезти из революционного Петрограда царские драгоценности и потом выкупили их за бесценок у обнищавших в Европе и той же Англии родственников последнего русского императора!

А сколько не найденных кладов хранится на территории России! Сколько исков можно подать по факту незаконного владения драгоценными активами миллиардерами Европы и Америки! И следы всего этого богатства находятся в фондах наших музеев. Горы найденных полуистлевших документов, которые должны просмотреть, удостоверить подлинность, а затем каталогизировать и оцифровать серенькие мышки – музейные работники. Носители уникальных знаний и компетенций, за нищенскую зарплату роются в этой бумажной пыли. И если находят там жемчужину – эта жемчужина уплывает невесть куда, оставив на душе горечь и желание напиться на смехотворную премию.

Каждый год в музеи поступают все новые вагоны документов, которые находят при раскопках, сносах старых домов, в штольнях и просто в ямах. А ведь за каждой бумажкой – судьба! Если не человека, то вещи, события, открытия. Любой документ можно прочитать под разным углом зрения. Ваш бородатый помощник

искал бумаги по Михаилу Ивановичу Хилкову под углом зрения его потомков. Такую ведь задачу вы ему поставили?

Драгоценные камни императриц

Хотите слушать дальше? Тогда уберите из своего рукава нож. Он меня нервирует...

Матвей вытащил нож, игравший уже роль устрашающего реквизита, укутал его в свой носовой платок и убрал в портфель. «Буратино» продолжил.

- Эти документы и до него уже смотрели и усмотрели вот что.

Работая в конце 19-ого века на санитарных поездах азиатского и сибирского направления, Хилков познакомился и установил дружеские отношения с курирующей российское отделение Красного Креста вдовствующей императрицей Марией Федоровной, матерью Николая Второго и вдовой Александра Третьего.

Перед отъездом Хилкова в Санкт-Петербург, где ему предстояло стать министром путей сообщения, Мария Федоровна подарила ему свою брошь. Это был огромный, оправленный в золото празиолит нежно-зеленого цвета. Воспоминания об этом подарке содержатся в мемуарах фрейлины императрицы княгини Трубецкой. Также в своих «Воспоминаниях» писал о Хилкове, «гордо носившем эту брошь» рядом со своими многочисленными наградами, и его предшественник на посту министра путей сообщения, а затем глава Совета министров Российской империи граф Витте.

По воспоминаниям фрейлины Трубецкой, сам камень был подарен Марии Федоровне её первым женихом, Николаем Александровичем Романовым, трагически погибшем до их

свадьбы. Как известно, после этого она вышла замуж на брата своего жениха, ставшего Александром Третьим, но всю жизнь хранила этот дорогой для нее подарок. Она же и заказала изготовление из камня броши в скромном обрамлении, которую можно было носить как дамам, так и кавалерам.

Раскручивая эту историю, наши специалисты установили, что чудесный камень был подарен трагически ушедшему из жизни Николаю Александровичу его матерью, женой Александра Второго. Николай, как их первенец должен был унаследовать трон, а камень сей, по семейной легенде, приносил удачу, богатство и благополучие владельцу и его народу!

Далее, разрабатывая эту жилу вглубь веков, музейные эксперты установили, что камень сей передавался матерями императоров российских их женам, а начинается история с Екатерины Великой.

Если вы еще не устали, я продолжу.

Один из первых фаворитов Екатерины, которого она возвела на польский трон – Станислав Второй Август Понятовский, в конце восемнадцатого века подарил Екатерине огромный празиолит. Помните, я говорил вам, что эти камни встречаются в Польше. Камень так понравился российской императрице, что, заказав его огранку и сделав из него брошь, она носила её, практически не снимая, подчеркивая, что камень приносит ей удачу.

Об этом камне писали многие иностранные послы при дворе Екатерины, восхищаясь прозрачностью и игрой цвета.

Через некоторое время на прием к Екатерине попала делегация сибирских купцов. Добиваясь от императрицы взятия под её руку проложенных ими торговых путей на восток, они щедро «поклонились» мехами, золотом и драгоценными камнями. Среди камней был добытый казаками «зеленый сибирский изумруд», то есть празиолит, зеленый (или луковый) кварц. Как записано в дворцовой летописи, камень был схож с тем, который

носила императрица, но чуть меньше размером. Камень хранился в личной коллекции драгоценностей Екатерины Второй, откуда и начался его путь по женам российских императоров.

Судьба этих камней, которые могут быть оценены сегодня в баснословную сумму, была до некоторого времени не известна. И коллекционеры, которые очень активно следят за жизненным путем таких раритетов, уже прекратили их поиски, записав камни в графу «невосполнимых потерь». Но если судьба первого камня, подарка польского короля остается неизвестной с момента ухода из жизни великой российской императрицы немецкой национальности, то второй камень вдруг всплыл из глубин веков стараниями наших «серых мышек – архивариусов».

Хочу сказать, Матвей, что поисками таких артефактов занимаются очень серьезные люди по всему миру. Бывает работа точечная, когда ищут конкретную вещь в конкретном месте. В случае же второго камня Екатерины, который теперь может назвать «камень Хилкова», в существующую систему отслеживания просто добавляются новые элементы для поиска. Это – как рыболовная сеть с мелкими ячейками, которой прочесывают всё доступное информационное пространство. В такую сеть попали и вы, Матвей, с вашим интересом к личности Хилкова.

Не буду скрывать, меня попросили прямо узнать у вас истинную причину такого интереса. Как понимаете, прежде чем дать мне такое поручение, вашу личность тщательно изучили. Полагаю, если бы были обнаружены обстоятельства, ставящие под угрозу деятельность моих... клиентов, с вами разговаривали бы по-другому. Вы же понимаете уязвимость каждого из нас. Семья, друзья...

Угроза семье – это жирная «красная» черта, которую опасно переходить в общении с Матвеем. В отличие от пустоголосых политиков, он действует. Больно, но эффективно. Но в данном случае он понимал бесполезность махания шашкой. Как бой с

ветряными мельницами – не видно, кого бить, когда и за что. И свою уязвимость он ощущал всей кожей.

Поэтому он старался быть очень сдержанным и спокойным.

- Я понимаю всю серьезность ситуации, в которую попал случайно. Случайно я приобрел эту чашку в антикварной лавке в Рыбинске. Могу дать ее адрес. Случайно мне подсказали фамилию её владельца, увидев совпадение изображенной на чашке схемы железных дорог с реальной картой. Случайно мне пришла в голову мысль передать чашку потомкам графа...

- И случайно у вас оказался ритуальный нож со столь редким камнем? – «Буратино» язвил, явно провоцируя Матвея.

- Да, случайно. Я нашел его на дороге!

- До или после того, как вы купили чашку и преисполнились благородным желанием вернуть её владельцам?

- После этого, - вынужден был признаться Матвей.

- Таких случайностей не бывает! Продадите нож?

- Нет!

- Тогда пеняйте на себя. Нож мы отбирать не будем. Похоже, он действительно попал к вам случайно, да и хозяин пока не объявился. А если объявится, придет к вам. Так что не обессудьте, быть вам под колпаком. Знаете, что это такое?

- Да уж, знаю...

- И не надо на нас злиться. Вляпались вы сами, игра это не ваша. Как говорится, ничего личного... Но мой вам совет, держитесь от всего, что связано с фамилией Хилков, подальше. Для вашей же пользы.

Матвей даже не зафиксировал, как ушел «Буратино», как убрали тарелки с их стола. Только графинчик не дал убрать,

использовав его содержание по назначению. Одним глотком, пренебрегая рюмкой.

В жизни Матвея такие сложные жизненные развилки, когда судьба ставит тебя перед, казалось бы, неразрешимыми задачами, возникали с пугающей периодичностью. Для себя он давно решил, что по-настоящему нерешаемы лишь проблемы болезни и утраты близких. Остальное – решаемо.

Свое поведение в таких ситуациях он всегда сравнивал с одиноким гребцом, потерявшим одно весло. Лодку неумолимо несет на стремнину, в водоворот порогов, камней и завихрений, и лихорадочная гребля приведет только к истощению сил, перевороту лодки и неминуемому краху. Гребец должен успокоиться, оценить ситуацию и энергичными, но продуманными, движениями оставшегося весла отводить лодку от явных опасностей, удерживая её равновесие. Рано или поздно вода сама вынесет лодку на спокойную воду, где можно будет принять взвешенное решение.

Для себя Матвей решил, что не будет предпринимать никаких опрометчивых и скорых решений по теме «Хилков камень», и, прежде всего, успокоит тех, кто оказался вовлечен в эту тему. Это, конечно, профессор и его домочадцы. А семья самого Матвея и так не в курсе. Вот пусть и живет в счастливом неведении...

Быть под колпаком – дело привычное. Его ведь учили, что «не надо дразнить гусей». Чем естественнее твое поведение, тем крепче нервы у «бдящих». А уж контролировать свои слова по телефону, дома или в машине – это, вообще, было уже в крови. В учреждениях, где Матвей успел поработать после своего увольнения с государевой службы, он так и объяснял своим работодателям, - «запомните, уберечься от прослушивания и подглядывания невозможно. Найдя «жучок», ты не можешь быть уверен в том, что этот жучок – единственный, или что тебе через пару часов в отместку не поставят еще два. Найдя «жучок», ты лишь

кричишь о том, что тебе известна тактика соперника и тебе есть, чего опасаться. Единственная мера защиты – говорить и вести себя в любых ситуациях так, словно тебя слушают и смотрят. То есть контролировать каждый свой «чих».

Он сам позвонил профессору. Поблагодарил за «справочного аналитика», сообщил о том, что никого из родственников Хилкова для возвращения им чашки не нашел. Сказал, что решил оставить этот поиск в силу его бесперспективности и рассказал, что саму чашку оставил в музее для «возможного научно-исторического использования». Профессор, в свою очередь, проинформировал Матвея о том, что «Паганель» передал хилковскую схему железнодорожного движения в архив Министерства путей сообщения и проектное бюро РЖД, где их встретили «без особого восторга». Профессорская внучка пригласила Матвея на «оглашение своего замужества» и пообещал испечь ему и его семье специальный пирог...

И пошла жизнь своим чередом, потрясаемая только всплесками экономического и политического характера внутри страны и за ее пределами.

И не было больше у Матвея никаких неясных влечений и порывов, даже когда он подходил к повешенному на стену ритуальному ножу с сияющим и в темноте минералом небесно-зеленоватого цвета.

Через месяц, когда все российское население с остатками прогрессивного мирового человечества уже готовились отмечать наш последний общенародный праздник – Новый Год, Матвей проснулся темным утром с чувством надвигающихся событий.

Знаки судьбы

Пробираясь еще более темным коридором в ванную комнату, он увидел отчетливое свечение минерала на рукояти ножа. Протерев глаза и все помянув чёрта, Матвей убедился, что ему не почудилось – минерал действительно светился слабым, но отчетливо видимым светом, словно крохотный фонарик.

Повторяя, как мантру – «Надо меньше пить и лучше спать!» Матвей совершил процедуру утреннего омовения и снова оказался в коридоре, куда уже вышли встревоженные его ранним пробуждением жена и дочь.

Минерал не светился.

Выходя на улицу, Матвей, скорее по привычке, проверил почтовый ящик. Писем уже давно никто никому не писал, и, кроме квитанций на оплату благ цивилизации, в ящиках давно ничего не было. А реклама? – воскликнет вдумчивый читатель. Отвечаю – рекламу в Матвеевском доме давно приучили складывать на отдельный столик. Рядом с мусорным ящиком.

Впрочем, рекламой было удобно растапливать баню и мангал...

И вот, в этот раз к своему удивлению, Матвей обнаружил в почтовом ящике почтовый конверт. Ну не чудо ли!

Фамилия отправителя показалась ему знакомой. Обратный адрес – где-то там в Алтайском крае, ничего ему не сказал. Сунув конверт в карман куртки, Матвей поспешил дальше, решил прочитать письма потом, дома.

После ухода с последнего места своей гражданской работы, Матвей наслаждался покоем тунеядства, отвлекаясь на выполнение разовых, но неплохо оплачиваемых, поручений своих многочисленных контактов. В этот раз он вышел из дома не на

работу, а в магазин, купить свежих круассанов, запас которых к утреннему кофе у него внезапно закончился. «Внезапно», потому что еще вчера он был уверен, что еще несколько хрустящих рогаликов у него осталось.

Входя в магазин, наполненный запахом свежих кофе и выпечки, Матвей заметил приколотый к стене объявлений рекламный плакат, зовущий совершить поездку в Сибирь на комфортабельных поездах РЖД. Плакат был яркий, запоминающийся, с прекрасными фотографиями сибирских красот. Тайга и сопки были запечатлены весной, на восходе или закате солнца, огненно-красный диск которого буквально притягивал взгляд.

Мысленно похвалив работу рекламщиков, Матвей быстро приобрел требуемое и, вернувшись домой, вскрыл в своем кабинете конверт.

На листке, явно вырванном из школьной тетради, было несколько строк, сразу окунувших Матвея в воспоминания. Писал ему Игнат Мелехов, с которым судьба свела Матвея в далекой и по времени, и географической отдаленности Африке. Бравый механик-водитель БМП – 1, никогда не мывшейся, но всегда готовой к подвигам, боевой машины пехоты первого поколения, однажды вытащил группу Матвея из крупной передраги. Потом они с Игнатом, имевшим боевой псевдоним «Казак» (из-за фамилии?) несколько раз встречались на базе, даже выпивали. Тогда и обменялись адресами. Фотоаппараты были запрещены, мобильных не было, как и адресов электронной почты. Почтовый адрес Игната, записанный Матвеем, куда-то исчез в пучине бурной служебной молодости, а вот «Казак», молодец, сохранил. Хорошо, Матвей не менял свой домашний адрес (а также жену и Родину).

Игнат писал, что тогда после Африки, вернулся домой, в Сибирь. Долго лечился от какой-то подхваченной в джунглях заразной болезни. Врачи не помогли, спас его какой-то алтайский

знахарь, выходил своими травами. На дочери этого знахаря Игнат и женился, оставшись на Алтае навсегда.

Пишет, что у него трое детей и уже две внучки. Работает охотником – заготовителем у самого озера Байкал и приглашает Матвея приехать к нему в гости весной, обещая чудесную охоту и рыбалку. Там же был номер его телефона и адрес электронной почты. Предупреждая о том, что Интернет у них часто барахлит, Игнат просил связаться с ним заранее по телефону, если Матвей, как и обещал когда-то, решит приехать.

Первой реакцией Матвея было позвонить «Казаку» и согласиться на поездку. Потом пришла мысль о реакции семьи, а уж потом он вспомнил про «колпак». Читали ли «они» это письмо? Беглый осмотр конверта не выявил следов вскрытия, но это ни о чем не говорило.

«Ехать или не ехать?». Очень хотелось, да и внутренний голос просто орал – «Ехать!». Матвей вышел в коридор. Просто так. Камень на рукояти ножа горел зеленым светом. Хилков – железные дороги – семафор – зеленый свет – можно! Эта цепочка молнией пронеслась в голове Матвея.

Немедленно составил план действий.

Первое – надо дать «им» знать, что он едет в Сибирь, но эта поездка связана с боевым другом, а не с поиском клада Хилкова.

Второе – убедить семью отпустить его повидать товарища и порыбачить. (Семья знала, что после Африки Матвей не берет в руки оружия для охоты на животных.)

Третье – купить снасти и походное снаряжение. С фляжкой.

Начать решил с семьи. Показав письмо, радостно сообщил, что старый знакомый приглашает весной на рыбалку на Байкал.

- Ура! Байкал! Едем все..., радостно закричала семья.

- Знакомый работает лесником и живет в горной избушке, без горячей воды и канализации.

- Что-то мне расхотелось, - первой сдалась дочь, - да и экзамены у меня весной...

- Ничего, ради Байкала потерплю, - держалась жена, - подумаешь, самолетом туда, самолетом обратно, дня три без душа. В озере искупаюсь.

- Вода в Байкале весной будет около ноля, - осторожно начал Матвей. И тут он вспомнил про рекламный плакат, так понравившийся ему в магазине, - и едем мы на поезде. Удочки, консервы. Да и Игнат просил кое-что ему привезти...

- На поезде? Транссибирский экспресс? Согласна, - ради поездки с мужем она была согласна на всё.

- Экспресс туда не ходит. Планируем с друзьями ехать с тремя пересадками. Литерный, а потом два местных, - Матвей знал, что делает.

- Так вас, боевых друзей, будет несколько. Я их знаю?

- Нас будет трое. Ты их не знаешь.

- Ну нет. Подавать вам закуску и слушать страшилки про войну. Езжай без нас, - красиво обставила свой отказ жена, отпустив Матвея на рыбалку.

Решив самый сложный вопрос, Матвей приступил к первому пункту плана. Сначала он позвонил по какому-то вымышленному предлогу «профессору» и, между делом, сообщил тому о том, что весной его пригласили на рыбалку на Байкал.

Потом он позвонил «справочному историку» и, не давая тому возможности прийти в себя от удивления, коротко и четко представился и проинформировал.

- Сообщите своему очкастому другу, что мои боевые друзья пригласили меня весной на рыбалку на Байкал. Ничем, кроме рыбалки, мы заниматься не будем.

И только после этого Матвей позвонил Игнату. Мобильная связь, на удивление работала хорошо, и давно не видевшие бойцы африканского фронта с удовольствием пообщались. Уточнили время приезда Матвея, который несколько удивил Игната своим желанием прибыть на поезде.

- Ты, видимо, действительно налетался и времени свободного много, если хочешь потратить двое, а то и трое суток на дорогу и хлебнуть экстрима нашей простой и грубой алтайской жизни. Тебе лучше долететь до Иркутска, а потом на местном паровозе прибыть в наши края. Зато места красивые из грязного окошка посмотришь... В Иркутске встретить тебя не смогу. К сожалению, у меня уже не БМП, а старенький «козлик». Смогу тебя принять только на нашей станции Мысовая в Бабушкине. И, чуть не забыл... Жена просила тебе напомнить, чтобы ты нож не забыл с собой взять. Продумай, как в самолете его провезешь.

Матвей не стал ничего переспрашивать. Всё и так было ясно – впереди его ждала увлекательнейшая поездка, от которой он уже не мог отказаться. Обменявшись приветами женам, детям и внукам (откуда они у Игната, который был младше Матвея?), договорились созвониться ближе к отлету. Матвей обещал сообщить по электронной почте расписание своего маршрута, как только закажет билеты.

На том и порешили. Проходя мимо висящего в коридоре ножа, Матвей уловил тревожное мерцание минерала.

Время пролетело быстро. Был встречен Новый год со всеми его традиционными ритуалами и атрибутами. И даже в пару коротких служебных командировок успел слетать Матвей, выполняя разовые поручения своих знакомцев, Правда, теперь, прежде чем взяться за дело, он тщательно ознакомился с сутью

поручения и изучал списки фигурантов. Чтобы, не дай Бог, там не маячила фамилия «Хилков» и отблеск каких-либо драгоценностей.

«Береженного ангел согревает, а не береженного дьячок отпевает» - как любил говорить его знакомый профессор – старообрядец.

Кстати о профессоре. Матвей всё-таки нашел возможность скрытно встретиться с Аполлинарием Инокентьевичом и предупредить того об опасности, связанной с поисками Хилкова, да и вообще – исторических ценностей и артефактов. Пришлось рассказать и о роли «справочного историка». Профессор правильно воспринял информацию, пообещав так же скрыто предупредить о возможной опасности свою внучку и её жениха. Оба подумали, что судьба их миловала, избавив от общения с бородатым корыстолюбцем в тот период, когда они занимались возвращением старообрядческой церкви клада Демидовых!

Как они оба ошибались...

Уверенный в правильности своих действий, с чистой совестью Матвей занимался приятными хлопотами упаковки походного рюкзака, приобретения всевозможных снастей и подготовки своих любимых спиннингов, уже почти забывших заботливые руки хозяина.

В отличие от первых дней после беседы с «Буратино», когда признаки явного наблюдения за собой Матвей наблюдал почти постоянно, в новом году эти признаки почти пропали. Он прекрасно понимал, что это не означает того, что его «отпустили». Просто работать стали тоньше, не демонстративно – угрожающе. Да и предпринятые Матвеем меры не могли не дать результата. Ведь в самом деле, если поставить себя на место невидимых «кураторов» Матвея, то напрашивается разумный вывод -зачем тратить силы и средства на ненужный объект, если тот сам не лезет в петлю!

Эту приятную мысль – да противнику в уши.

Хотя сам Матвей так не поступил бы, ибо знал, что тот, кто уверует в свою полную свободу от контроля, здесь и совершает роковую ошибку.

Алтай

Перед вылетом Матвей еще раз позвонил Игнату, «сверить часы». Тот подтвердил свою готовность к встрече, намекнул на заготовленный в баньке изрядный припас алтайских целебных настоев.

- Да, чуть не забыл, - Матвею показалось, что голос его знаконца чуть дрогнул, - прямо у поезда к тебе подойдет мой друг и передаст для меня посылочку. Так, кое-какие рыбацкие и охотничьи прибабасы. Ты ведь на паровозе в 20-00 отбываешь? Вот прямо к твоему третьему вагону и подойдет. Лады?

Матвей знал, что нож ему не разрешат пронести в салон самолета, а просвеченный в багаже, клинок может вызвать проблемы, поэтому заранее договорился, что пилоты его рейса возьмут на время полета пакет с ножом, которому он опять придумал красивую легенду. Хорошо иметь хороших знакомых!

Вышедший в московском аэропорту к Матвею пилот долго рассматривал своими раскосыми глазами нож, цокал языком от восхищения и, наконец, сказал.

- Хороший нож. Старый! У моего деда похожий был. Он им жертвенным баранам горло резал. Говоришь, вернуть хозяину хочешь? Правильно делаешь. Семейный нож должен быть в семье. Не беспокойся. В Иркутске получишь нож целым и чистым. Нам в полете резать некого!

Полет в Иркутск прошел прекрасно. По своей давшей привычке Матвей проспал всю дорогу, отказавшись от обеда и

напитков. Плавная посадка вызвала традиционные хлопki благодарности пассажиров, а Матвей вспомнил, что несколько лет назад, до реконструкции, аэропорт Иркутска был одним из самых аварийных в России и при посадке пассажиров просили сгруппироваться и быть готовыми к жесткой встрече с землей.

Проходя по проходу кресел к выходу, а пассажиров бизнес – класса выпускали первыми на зависть остальным, терпеливо сидящим на своих местах, Матвей снова заметил на себе пристальный взгляд. Этот же явно недосужий взгляд молодого человека он заметил еще в московском аэропорту, при посадке в самолет. Бизнес – класс там опять проходил первым, и молодой человек в упор смотрел на Матвея из толпы ожидающих посадки.

«С приехалом!» - поприветствовал себя Матвей. Получение сданного в багаж рюкзака и футляра с удилищами заняло некоторое время. Еще минут двадцать он ждал, когда вышедшие из самолета пилоты отдадут ему пакет с ножом. Тот же пилот – бурят передал ему пакет и опять поцокал языком.

- Долго рассматривали твой нож. А что за камень такой красивый? Драгоценный, наверно.

- Обычный кварц. Горное стекло. У вас его полно под сопками, в старых развалах. Спасибо за доставку!

Ни в помещении аэропорта, ни на площади перед ним знакомого молодого человека не было.

«Если исходить из того, что они наверняка читали мою электронную почту, им незачем демонстративно ходить за мной след в след. Уже должны ждать на вокзале, в поезде или в месте встречи с Игнатом. Я бы ждал в поезде. Тем более знают моё посадочное место».

Доехав до вокзала на такси, водитель которого не делал никаких настораживающих попыток расспрашивать Матвея о Хилкове, драгоценностях или, хотя бы, о цели поездки в эти края,

наш герой безопасно перекусил в станционном буфете вареными яйцами и шоколадным батончиком, которые сам выбрал из больших стеклянных ваз. Времени до отхода было достаточно, но состав уже подали на путь, и Матвей заметил у своего вагона явно поджидавшего кого-то человека. Широкоплечий, в камуфляжной форме, с небольшой сумкой, гражданско – домашний вид которой явно не вязался с геройским обликом человека. Матвей решительно направился к ожидавшему.

- Здравствуйте. Вы, видимо, меня ждете. Я – Матвей. Еду в гости к Игнату.

Поскольку отзыв к паролю не предусматривался, мужчина просто улыбнулся и протянул руку.

- Александр. Можно Сашко. Тоже друг «Казака», только по госпиталю. И в Африке мы с вами не встречались. У меня Афган за плечами.

- Давай на «ты», - пожав огромную и теплую руку Александра, Матвей почувствовал к нему полное доверие.

- Давай! Так, значит, решил поохотиться и порыбалить? Хорошее дело! «Казак» там все места знает, хотя и не местный.

- Только рыбалка. После Африки по животным не стреляю. В отличие от некоторых людей, животных жалко.

- Понимаю, - Сашко внимательно посмотрел на Матвея, - сам такую ломку прошел. Мы с Игнатом в центральном военном госпитале познакомились. Много их там было, молчунов. Советский Союз не признавался, что мы во многих странах тогда воевали. Вот и молчали они про свои заграничные подвиги. Якобы на учениях, да в отдаленных гарнизонах, хвори свои получили. Это ведь я «Казака» сюда привез, к местному знахарю. Тот меня от кошмаров вылечил, а «Казака» из болезни тропической вытащил. Как шутит Игнат, знахарь забрал болезнь, но дал, взамен, свою дочь в жены.

- Так все плохо?

- Наоборот, живут душа в душу. Правда, она... Ладно, не буду сплетничать, как баба. Сам увидишь. Но она - добрая. И всё знает.

- А как вышло, что Игнат дедом стал? Он ведь моложе меня.

- Когда они с Айшат поженились, её старшего брата убили «черные искатели». Подорвали в машине вместе с женой. Остались двое детей, дочка и сын, уже большие тогда. Отец Айшат, старик Тамбо, был уже плох, больше родственников не было, вот Игнат и Айшат усыновили детей. Потом еще свою дочку родили. Так и вышло, что у них, самих еще молодых, уже трое детей и две внучки от старшей дочери, той, что приемная. Сама-то Айшат...

Ладно, больше не буду ничего рассказывать, а то вам с «Казакком» и поговорить будет не о чем. Одно скажу – слушайся Айшат, слушай голос Великих Тенгри. Боги помогают тем, кто в них верит и содействует им...

Игнат мне намекал, опять же, со слов своей жены, что вокруг тебя какая-то хрень крутится, не по твоей воле. Попросил дать пару советов и помочь, если что. Я ведь до прихода в областную администрацию был следователем в прокуратуре, кое-что в нашей жизни понимаю. У нас в краю много разных авантюристов развелось. И руки к нам тянут и из Москвы, и из северной столицы. Копатели, охотники за краснокнижным зверьем и рыбкой, нелегальные лесорубы, женьшень наш копают. Хорошо, хоть воду из Байкала в Китай гнать перестали. А то и там своя вооруженная охрана была. А ты же знаешь, если есть ствол, всегда хочется его попробовать себе на пользу.

Сейчас-то тебя ведут? Описать сможешь?

- В Москве при посадке, в самолете и в местном аэропорту парня видел. Без особых примет. Здесь пока не заметил, но они поезд и вагон знают. Мы с «Казакком» обменивались по открытому каналу этими данными.

- Ясно. Попрошу ребят, в поезде прикроют, если чего. Возьми этот сверток, типа, для Игната. Там всякая ерунда, конфеты да медицина разная, в случае чего можешь и выбросить. На всякий пожарный я положил туда туристическую карту Прибайкалья с непонятными знаками. «Обманка», для отвода слишком любопытных глаз. И еще вот что, - следователь Сашко наклонился к самому уху Матвея и прошептал пару фраз.

- Пока все. Будет потребность, «Казак» знает, где и как меня найти. Удачи!

Ехать до станции Мысовая, где его обещал встретить Игнат, было чуть больше шести часов. По расписанию, на которое, как предупредил Матвея его сослуживец, в этих местах, да еще на пригородной ветке, мало обращали внимание. Плацкартные места были полностью выкуплены, сидеть на деревянной лавке в «сидячем» вагоне Матвею не хотелось, но пришлось бы. Ему повезло – в последний момент кто-то снял заказ на место в купе, и вот он уже комфортно разместился на нижней полке. В купе уже сидели двое неприметных мужчин среднего возраста, в походно – спортивной одежде. Из вещей Матвей заметил только тощий рюкзачок. Судя по его убогому виду, с ним ездили еще первые стройотрядовцы. Рюкзачок сиротливо лежал на верхней полке, хилым своим силуэтом напоминая о бренности бытия. Матвею уступили его нижнюю полку. Его даже не удивило, что столик в купе был совершенно пуст, без традиционного для российского путешествия под стук колес «джентельменского набора» закусок и стаканов. Через несколько минут в купе зашел проводник. Окинув быстрым профессиональным взглядом попутчиков, он прокомпостировал их билеты.

- А четвертый еще не подошел? У вас выкуплено четыре билета, - задавая вопрос, он смотрел на Матвея, словно давая понять, что вопрос, скорее, предназначался ему. Оба попутчика ответили почти одновременно, мешая друг другу.

- Наш приятель... не смог... поездка сорвалась, но его билет у нас... не надо никого подсаживать... может, на промежуточной станции подойдет...

Картина маслом, как говорил известный киношный персонаж.

Матвей демонстративно положил на столик полученный от Александра свёрток, достал из него карту, испещренную какими-то непонятными значками и стал её изучать. В списке местных достопримечательностей карты он наткнулся на сделанную от руки надпись - «Хилков камень». Редкое совпадение...

И тут сам черт дернул его за язык. Ну, не смог он промолчать...

- Ребята, вы – местные? - обратился он к попутчикам, - не подскажете, что это за Хилков камень отмечен тут на карте? Мне друзья дали карту, сами пару лет назад по этим местам ходили, что-то тут наотмечали. Не знаете? Тоже приезжие? Ну, извините.

Демонстративно убрав карту в боковой карман рюкзака, Матвей прилег на полку, сделав вид, что задремал. Попутчики сидели тихо, словно набрав в рот воды. Через полчаса, по знаку одного из них, они встали и вышли из купе. Еще через пару минут, в купе заглянул проводник.

- Они ушли в соседний вагон. Странные ребята, без багажа. Я их раньше не видел.

- Послушай, друг. Скоро будет станция, Гончарово, кажется. Сколько там стоим?

- Минут десять, или двадцать. Как почту и груз успеют перегрузить.

- На станции есть камера хранения?

- Есть. В основном здании. Между кассами и туалетом.

- Я выйду на десять минут на станции. Попробуй не выпускать моих попутчиков сразу за мной.

- Сделаем!

Пока попутчиков не было, Матвей достал из рюкзака кое-какие вещи, упаковал их в сумочку, переданную Александром «для Игната» и спрятал нож под куртку. Вернувшись, молчаливые попутчики застали Матвея мирно спящим на своем рюкзаке.

При подъезде к станции попутчики вдруг наперебой стали расхваливать местные разносолы, которые продают на станции. Это была удача!

Когда поезд подошел к перрону, Матвей, со словами – «Уговорили! Пойду, чего-нибудь куплю!» схватил сумочку и вышел из купе. Спрыгнув на перрон, он, смешавшись с толпой пассажиров и торговцев, проскользнул в здание вокзала, быстро нашел камеру хранения и сдал свою сумку, которую приемщик небрежно сунул в ворох таких же невзрачных свертков и кульков на стеллажах хранилища.

Вся эта операция заняла у него не более десяти минут. Купив, для вида, кулек моченых яблок, он, не торопясь, вернулся в вагон. В купе, вместо попутчиков, сидел проводник.

- По-моему, тебя обчистили, - грустно сказал хранитель вагона, показывая на разбросанные по полке вещи из матвеевского рюкзака. Даже удилища из чехла были извлечены, разобраны и разбросаны по полу. Тощий рюкзачок с багажной полки тоже исчез.

- Милицию вызывать будем? – проводник искренне хотел помочь, - Что-то ценное взяли?

- Ценного ничего не было, - на удивление проводника, голос Матвея был совершенно спокоен, - никого звать не надо. Чаю мне принесите. Пожалуйста.

Когда удивленный проводник ушел, Матвей, заперев купе, спокойно собрал вещи. К счастью, спиннинги и снасти остались целы. Исчезла африканская статуэтка слона, которую Матвей вез в

подарок Игнату, и туристическая карта, переданная Александром в качестве «обманки».

И ведь сработало!

Осталось только надеяться, что незадачливые воришки – попутчики до подъезда к станции выходили из купе не советоваться со своими сообщниками, которые могли видеть, как Матвей забежал с сумкой в здание вокзала, а просто хотели посоветоваться, что и как украсть.

Купленные яблочки оказались вкусными, чай, принесенный проводником, - ароматным. Как рассказал потом сам вагонный хранитель, и яблоки, и чай были китайскими, но это не умалило их вкусовой значимости.

Игнат

Отстав от расписания всего на час, поезд прибыл на станцию. Матвей тепло попрощался с проводником, передав тому красивую купюру и «привет товарищу следователю Александру». И то, и другое было принято с пониманием и благодарностью.

На перроне станции Мысовая, запруженной пассажирами, встречающими и еще черт-знает-кем, Матвей сразу узнал Игната, русского «комбатанта» с позывным «Казак». Конечно, годы и хвори не пощадили бойца, но остались стать, задорный блеск голубых глаз и небрежно сбитая набок кепочка. Игнат тоже узнал Матвея, и два бывших (а, впрочем, бывших не бывает...) бойца, слились в дружеском объятии. Воздержавшись от столь модных когда-то мужских яростных поцелуев.

Заметив трость в руке Игната и его лёгкую хромоту, Матвей не дал тому помочь донести вещи до припаркованного на площади старенького ГАЗа, любовного прозванного в народе «козликом».

- Да, интернационалист «Казак», жалко тебе, наверно, своей прежней БМП. Сгодилась бы тебе своя боевая машина пехоты здесь, на сибирских просторах. И даже пушка пригодилась бы... Жалко было оставлять её в джунглях?

- Сгорела она. Уже после твоего отъезда зачищали мы от наемников одну деревушку. И когда толпа жителей, спасаясь от их огня, побежала из деревни в лес, броневедомобиль извергов пошел им навстречу, пулеметным огнем отсекая их от леса и загоняя на минное поле. Мы весь боекомплект уже расстреляли, поэтому разогнал я свою боевую подругу и тараном сбил вражескую машину на то самое минное поле. Супостат взорвался и загорелся сразу. От него и наша машина стала гореть. Я стрелка своего, Петьку, вытащил, но сам в госпиталь угодил. Меня даже к награде представляли, так ребята говорили... Но война та непризнанная была, так что забыли все о том представлении.

- Так это у тебя оттуда хромота?

- Нет. Тогда я быстро оклемался. Как на собаке ожоги зажили. Ногу уже здесь повредил. А тогда в Африке, траванулся я чем-то. Видимо, воды не той попил. Наши доктора не знали, от чего лечить... Ладно, потом расскажу чудесную историю своего излечения.

А «козлика» этого действительно пора менять. Вот сезон отработаю, на ягодах, шишках и туристах деньжат подкоплю. Если получится, здесь в воинской части куплю какой-нибудь списанный или с консервации военный агрегат. Ты, случайно, никакого отношения к снабжению не имеешь?

- Я? Тыловик – снабженец? Ты что, «Казак», с дуба рухнул?

- Да, действительно. Ляпнул, не подумав... Ты вот позывной мой помнишь. А я той – не помню.

- А у меня его и не было. Я был единственным Матвеем, так имя и стало позывным.

- Я тоже никаких Игнатов больше не знал. Но дали позывной - «Казак». Мне нравится, тем более, что я действительно казак.

- А из каких казаков будешь, Игнат Мелехов? Из сибирских, из дауров? Или еще из каких? Сейчас много казачьих войск развелось...

- А ты что, по фамилии не чуешь? Донские мы... А казачеств по Руси действительно много развелось. Смеюсь, когда слышу или читаю про московское или Санкт-Петербургское казачество. Небось, не знают, с какой стороны к коню подойти или как шашкой работать. А туда же, медальки повесили, пить водку с шашки научились да «Любо!» кричать. У нас в станице каждый казачонок знает, что на Руси было и есть 11 казачьих войск. И все они берут начало от нас, донцов. Надо было новые земли завоевывать, да охранять, брали донцов, полк, станицу или сотню и направляли. Это потом инородцами они наполнились, благо вступить в казаки легко было. Только запорожцы - не от нас. Много в них польской крови, оттого и гонору, и жадности. Не зря их Екатерина Вторая упразднила...

- Молодец, знаешь историю. За это открою тебе страшную тайну. Бойцам позывных на гласную букву не дают. Передавать по радиации сложно, ошибиться можно, не так понять. Особенно, когда вокруг шум боя. А вдруг от испуга заикаться начнешь...

- Какого такого испуга! А вообще, ты, наверно, прав.

Так, переговариваясь ехали они по волнам очередного сибирского тракта. Сначала долго вниз, по пологому склону сопки, заросшему буйным багульником, залившим своим фиолетово-малиновым цветом всю округу, потом вверх.

На вершине сопки росло раскидистое дерево. Вместо еще не распустившихся листьев, его заскорузлые ветви были увешаны завязанными на них разноцветными тряпицами, бантами, просто веревочками. Внизу стояли баночки и блюдца с остатками чего-то съестного. Лежало несколько мелких монет.

- Это – бурхан, место, где положено благодарить добрых духов и просить злых, чтобы позволили благополучно завершить путь, - ответил Игнат на незаданный вопрос Матвея.

Они вышли из машины. Игнат достал какие-то продукты, термос и бутылку водки. На недоуменный взгляд Матвея он сказал.

- Я пить не буду – за рулем. А тебе и духам – можно. Жаль конфет и сладкого нет. Добрые духи это любят.

- Погоди, - Матвей достал из рюкзака несколько конфет, переданных Александром. Вот ушлый следователь, всё предусмотрел!

Игнат плеснул немного водки на землю – духам, налил походный стаканчик Матвею, сам выпил чаю, отлив из чашки несколько капель под ствол дерева.

Несколько минут они постояли, наслаждаясь полной тишиной, целебным воздухом и невероятным видом сопок, покрытых малиново-фиолетовым морем багульника.

- Ну, теперь понимаешь, почему я здесь остался, - спросил Игнат, - это ты еще не видел мою Айшат, моих детей и наш Байкал! Да, чуть не забыл. Привяжи к ветке какую-нибудь тряпочку, загадай желание на эту твою поездку к нам. И пусть тебя берегут Тэнгри!

Дорога вниз была крутовата, и старенький «козлик», отчаянно скрипя тормозами, честно старался не сорваться в свободное качение вниз.

Потом была проселочная дорога, на которой «козлик» проявил все свои вездеходные качества. На пыльном проселке Матвей понял, почему эта модель армейского командирского вездехода, помимо изящного прозвища «козлик», носила еще и грозное название «пылесос». Не только вся одежда сидящих в машине, но и их вещи и даже лица были покрыты толстым слоем пыли, обильно летевшей во все многочисленные щели брезентовой кабины.

И вот он, наконец, домик у самой воды. Скатанный из цельных бревен пятистенник был хорошо вписан в ландшафт береговой линии, не бросаясь в глаза и максимально используя рельеф для защиты от ветров, про яростный характер которых на священном море – озере Байкал ходят легенды. Двор перед домом был покрыт лиственными досками. Стояло несколько хозяйственных построек, к причалу были привязаны пара деревянных лодок и обшарпанная дюралевая моторка. Обычный дом сибиряка – промысловика. В глаза бросались лишь выложенный из камней большой и высокий очаг посреди двора, над которым на цепи тагана был подвешен огромный котел, и большое количество натянутых веревок, на которых вместо стирального белья висели пучки трав. На лай двух собак из дома вышла статная черноволосая женщина в национальном бурятском платье. Подойдя к машине, она поздоровалась с Матвеем, улыбнувшись и протянув ему руку. Улыбка с ямочками на щеках удивительно шла её круглому лицу с высоким лбом, точеным носиком и огромными темными глазами под черными дугообразными бровями. Про таких в Азии говорят – лунолика. Дотронувшись до её руки, Матвей сразу почувствовал мощную волну подавляющей теплой энергии.

- Ты – Матвей? – пристально глядя тому в глаза, спросила она, не отнимая руки, - да, отец был прав... Не удивляйся, что обращаюсь на «ты». Мы ведь в Бурятии, а у нас так принято.

- Нож с тобой? - вдруг, без перехода, тревожно спросила Айшат.

Матвей молча достал запыленный рюкзак из такой же запыленной машины, стряхнул толстый слой красноватой пыли с верхнего клапана и достал «жертвенный нож». Айшат схватила нож, прижала его к себе.

- Это – нож отца, и он еще не выполнил своё предназначение.

И, глядя на слегка обескураженных Матвея и Игната, весело скомандовала.

- А ну ка в баню, грязнули. С утра топлю! Верхнюю одежду оставьте на лавочке, мы пыль с неё собьём. И в бане никакой водки и никаких СЕРЬЕЗНЫХ разговоров. Узнаю ведь, поссоримся! Потом поговорим, за столом. При нём! – она подняла нож, показывая то ли на Бога, то ли на сам нож.

Как же было хорошо смыть с себя всю грязь этого бесконечного дня, покряхтеть на душистом полке под ударами веника, которыми Игнат от души потчевал своего приятеля. Памятуя наказ «строгой» хозяйке, не стали затрагивать темы, которые могли перерасти в дискуссию на всю ночь. Хотя водочки все-таки выпили. Настоем на травах, из маленького шкалика, заботливо припрятанного Игнатом в одном из тазиков. Матвей, строго дозированно рассказал о том, что отслужил своё по прежней, переводческой, линии, вышел в запас и работает советником по международным вопросам. То есть, почти правду.

Рассказ Игната был длиннее. Рассказал о том, как врачи в нескольких российских госпиталях не смогли вылечить его тропическую лихорадку, как почти попрощался с жизнью, как не разрешали проститься с родными, боясь эпидемии. Игнату помог тогда его сосед по палате в центральном госпитале Александр, «Сашко», как ласково называл его Игнат. Отлечившись после афганского ранения, тот, через совет ветеранов, сумел добиться, чтобы Игната на военном самолете отправили в Бурятию, к тому шаману – знахарю, который неоднократно помогал раненым афганцам и самому Александру.

- Сашку повезло. Их совет ветеранов – афганцев гремел по всей стране. Были и связи, и деньги. Льготы получили хорошие. А наши африканские подвиги страна не признаёт, власти говорят, что хотят уравнивать нас с афганцами, но выжидают. Видимо, ждут, когда сами окочуримся, как ветераны Отечественной войны. Сашко хотел «пробить» для меня здесь ветеранские льготы, но пока вы там, в Москве, не решите, ничего не получается. Он сейчас в иркутской администрации курирует ветеранские организации и

патриотическое воспитание молодежи. Будет эту тему и дальше развивать, далеко пойдет. С моим лекарем и тестем очень дружил. Сейчас с Айшат часто консультируется...

Так вот, прилетел я сюда, и начал меня лечить старик Тамбо. «Бо» у них, на бурятском и означает – шаман. У них весь род был шаманами. Поил разными травами, купал в горячем рассоле, потом в ледяной воде, парил в бане специальными вениками. Окуривал дымом, с бубном танцевал. Заставлял травы собирать, прямо в лесу их есть, с деревьями обниматься и кровь молодых маралов сырую пить. В общем, вылечил он меня. Потом к нему дочка приехала, Айшат. Она медицинское училище в городе окончила. Приехала ему помогать, но сама сильно заболела. И уже её мы с дедом почти полгода выхаживали. Мать – то её, жена шамана, к тому времени уже ушла в мир теней.

Выздоровела Айшат. Сладилось у нас с ней, полюбили друг друга. Поженил нас Тамбо, потом уже по закону брак оформили. В это время старшего брата Айшат и его жену «черные копатели» в машине подорвали. Они здесь исторические ценности в курганах да царское золото, что Колчак увез, ищут. Брат не захотел быть у них проводником, может, и знал чего, вот его и убрали. Двое детей остались, дочь и сын. Мы их с Айшат усыновили, как положено у бурятов. Старшая – Угуль, работает учителем в школе в Бабушкине, это здесь рядом. У неё уже двое детишек, девочки-двойняшки. Сейчас у нас гостят. Муж её – геолог, сейчас в экспедиции. Вторым сын, её брат, – Бекмет, в военном училище, летчиком будет. Потом у нас с Айшат своя дочка родилась – Айана. Ей пока десять. В городе в школу ходит, живет у старшей сестры. Она у нас будет... – ой, не буду дальше. Без Айшат нельзя!

Поговорили еще о прошлом. Вспомнили «свою» Африку. Посмеялись, погрустили... Молодыми были, многого не понимали, на многое смотрели как на должное. Понимание потом пришло.

Всё-таки мудреть с возрастом, хоть и почетно, но не всегда приятно.

Когда они, распаренные, в чистой одежде, пришли в дом, их ждал празднично накрытый стол и многочисленное семейство, представленное его лучшей, женской частью. Хозяйка, две дочери и две внучки стояли у стола, смущенно потупив глаза. Матвей заметил, что на столе было только два прибора, но еще один стоял «наготове» рядом, на серванте.

Поздравив мужчин по-русски «с лёгким паром», Айшат предложила им присесть и отведать их, байкальских, разносолов.

- Только если вы, то есть ты, составишь нам кампанию, - Матвей был учтив, как и подобает столичному гостю.

Ритуал был соблюден, и третья тарелка заняла своё привычное место на столе. Повинуясь молчаливому жесту хозяйки, её дочери и внучки ушли в другую комнату, откуда скоро послышался звук телевизора. Матвей успел заметить, что у одной из них, судя по всему – дочери Айшат и Игната, на левой руке была надета холстяная рукавичка, расшитая местными узорами. Не придавая этому значения, Матвей погрузился в смакование яств, не забывая нахваливать хозяйку.

Описание выставленных и подносимых потом блюд могло бы занять не одну страницу. Ограничимся простым перечислением – омуль, ягоды, грибы, добытые на охоте мясо и дичь, пироги... Остальное пусть дополнит буйное воображение читателя!

Налив и вкусно выпив по первой, Матвей погрузился в дегустацию. Другим словом этот процесс пробования различных блюд назвать было нельзя. Вкушение, дегустация, восторг – вот были достойные эпитеты. Игнат, предчувствуя, по всей видимости, обещанный женой «серьезный» разговор, держался несколько скованно. А может, его смутило, что впервые (как он потом признался Матвею) Айшат выпила при нем спиртное! Налив, на глазах изумленного Игната всем, включая себя, по второй рюмке,

она произнесла - «Да помогут нам Боги!» и храбро влила в себя всю рюмку.

После этого она перевернула свою рюмку и заговорила.

- Матвей, извини, но это я вытащила тебя сюда и обязана рассказать тебе всю историю. Не обижайся, можешь есть и даже пить. История будет длинной.

Айшат и Бурятия

Мы сейчас находимся в Бурятии, моей родине, родине моих предков, которые жили здесь многие – многие века. Мой отец, как и его отец, их деды и прадеды много поколений были шаманами, хранителями наших верований и памяти Богов. Шаманами называли их вы, русские. Для нас они всегда были Бо – знатоки, целители, хранители знаний и традиций. Есть простые шаманы, а есть старший, верховный, Бо. Таким был мой отец.

Стать даже простым шаманом, Бо, у нас, у бурятов, очень сложно. Помимо внутренней готовности взять на себя ответственность, должны быть внешние приметы, указывающие на избранность. В нашем роду у всех Бо с рождения были родимые пятна в виде летящего орла или шестой палец на левой руке. У моего отца, Тамбо, было шесть пальцев, как и у его деда.

Кроме того, перед перерождением в Бо, мужчина должен тяжело переболеть, перейти грань жизни, увидеть царство теней, услышать голоса давно ушедших. В самом себе он должен отказаться от любви только к своим близким, впустить в сердце любовь и сострадание ко всем страждущим, и прежде всего к своему народу. Должны остаться только вера в наших богов, готовность подчиниться их голосам и указаниям. В обязанности Бо входит уход за нашими святилищами и проведение самых

сокровенных наших обрядов, когда только избранные допускаются к общению с божествами.

Богов у бурятов много. Только верховных богов, Тэнгри, насчитывается девяносто девять. Наиболее почитаема Мать всех богов – Ээхе Бурхан. Боги есть как добрые, так и злые. Такое разделение необходимо для поддержания гармонии в природе. И жертвы мы приносим как добрым, так и злым богам. Злые – предпочитают кровь и мясо животных, добрым мы даем молоко, алкоголь и дым наших костров.

Только верховный Бо знает, где находятся наши Святилища, и самое главное из них, где стоят изваяния Богов во главе с Великой матерью Ээхе Бархан и проходят самые важные встречи наших вождей и шаманов. Оно расположены в тайном месте, проход к которому знает только верховный Бо. Даже вождям и менее посвященным шаманам завязывают глаза и верховный ведет их, связанных одной веревкой.

Мой старший брат со своей женой погибли из-за того, что от них требовали показать святилище. Но он этого не знал! Он не был, да и не должен был стать очередным Бо...

Отец не выдержал этого горя и покинул этот мир. Как ты, Матвей, знаешь, мы с Игнатом взяли к себе его детей, чтобы хоть этой малостью искупить нашу возможную вину перед Богами.

Да, забыла сказать. Каждому Бо Великая мать Ээхе Бурхан присылает помощника, который защищает шамана и является его руками и головой в этом сложном внешнем мире. Так, моему отцу она прислала мою мать, которую больной девочкой оставили на дороге китайские купцы. Отец выходил её и сделал своей женой. Он говорил, что шаманам необходимо иногда вносить в свою родню иноземную кровь. По его словам, это позволяет острее чувствовать боль и чаяния иных народов, живущих рядом с бурятами. Так что во мне есть китайская кровь.

- А как называются женщины – шаманки, если они вообще существуют? – Матвей начинал догадываться...

- Существуют и сейчас. Старики говорят, что раньше у племени бурят главенствовали женщины. Они же были и шаманами. Их называют «удаган».

- Айшат, ты – удаган? – прямо спросил Матвей, не обращая внимания на побелевшего от такого вопроса Игната.

- Да, я шаманка. У меня на боку есть родимое пятно в виде парящего орла. Оно очень нравится Игнату. За время своей тяжелой болезни, я прошла обряд самоочищения. Игнат ухаживал за мной, видел, как я разговаривала с тенями.

На бравом казаке Игнате не было лица, одно белое пятно, которым он и кивнул.

- И, кстати, об Игнате, - продолжал свою линию Матвей, - это ведь его Великая мать, как её, Бурхан, прислала тебе и твоему отцу в качестве помощника. И его не бурятская, а казацкая, то есть славянская кровь прилась вам весьма кстати!

- Всё так, - устало кивнула головой Айшат, - но есть одна деталь. И не такая уж маленькая. Как и мой отец очень любил мою мать, так и я люблю Игната.

На этом на сегодня всё. А то мой бедный муж уснёт за столом, а ты, Матвей, с учетом съеденного и выпитого под мой рассказ – под столом! Да и услышанное тебе обдумать надо.

Гостевая комната в доме была занята уже спавшими, судя по тишине, дочками и внучками. Матвей храбро предложил, что переночует на сеновале, но ему, оказывается, уже постелили в протопленной бане.

Прекрасно выспавшись и выйдя утром во двор, он мысленно поблагодарил хозяйку за теплый ночлег. Чтобы умыться, ему пришлось разбить корку льда на стоявшей у бани кадушке с водой,

а проходя мимо сеновала, где планировал провести ночь, он увидел, что торчащие из сенника стебли сильно схвачены льдом.

Да, Байкал, студеное море!

Закутавшись в тулуп и просев на крылечко бани, он постарался внимательно осмыслить услышанное вчера и понял, что самого главного – а зачем его сюда вызвали? – он еще не знает.

Вышедшая из дома старшая дочь, Угуль, кажется, позвала его в дом, завтракать. Выпив чая со свежее испеченным пирожком, который хозяева называли бурсак, Матвей искренне отказался от предложенной Игнатом рюмки настойки, за что заслужил понимающий и благодарственный взгляд Айшат. Походная одежда, штаты и куртка были вычищены от пыли, снасти уже ждали в «козликe», толстый слой пыли на котором от ночной изморози скатался в грязные капли. Обе внучки, со смехом, сбивали метелками эти шарики с брезента и помятых боков машины. Заключительным «штрихом мастера» была протирка Игнатом стекол, после чего преображенный ГАЗик бодро завелся, показывая полную готовность к дальнейшим подвигам.

Матвей и раньше бывал в Сибири, был влюблен в алтайскую природу, был не раз очарован Белокурихой и Телецким озером, но Байкал он видел впервые. Вчера, грязный и усталый после насыщенного дня, он не оценил всего величия и красоты великого Моря-озера в лучах заходящего солнца. Поэтому, когда машина выехала к прямому спуску к воде, и Байкал предстал перед ними безмятежным, утрене – спокойным, умытым ночной росой и накрытым иссиня-голубым безоблачным небом, Матвей не смог сдержать восклицания восторга.

- Красавец! – поддержал его Игнат, - ты еще его в бурю не видел. Вот где мощь и сила! Поневоле поверишь в Тэнгри и других Богов. Чувствуешь себя такой песчинкой, такой малостью беспомощной. Я - то в море далеко не хожу, а рыбаки, да карбасники, что по всему Байкалу грузы возят, говорят, что его бури

– страшнее других, даже морских и океанских. Ветер, молнии и звуки рассерженной воды такие, что за одну непогоду несколько раз с жизнью прощаешься и потом словно истинно воскрешаешься!

Сегодня с берега порыбалим. Может, хариусов возьмем, ущицу забабахаем. Ты внахлыст ловишь умеешь?

Приехав на место, где небольшая бурная речушка, бойко сбегая по каменным порогам с сопки, резво впадала в Байкал, они выгрузились и приступили к лову. Любой рыбак знает, что во время этих священнодействий любые сторонние разговоры недопустимы. Им повезло, и за час с небольшим они взяли несколько хороших «хвостов», достаточных для ухи. Запасливый Игнат быстро соорудил костер, порезал в котелок с байкальской водой припасенные морковь, картошку и лук, добавил щепотку трав и бросил в закипевший бульон нарезанную рыбу. Через положенное время, традиционно «загасив» уху обгорелой веткой и влив к котелку рюмку водки, они присели у костра. Допив оставшееся в бутылке – не везти же её, начатую, домой? – приступили, было, к разговору. Но казавшийся таким добродушным и расслабленным Игнат наотрез отказался отвечать на вопросы Матвея, сказав, что Айшат попросила оставить все разговоры на вечер. Матвей понял ситуацию, а Игнат, неторопливо помешивая угли в костре, вдруг спросил обычным спокойным голосом.

- Не за тобой ли следят? Не поворачивай голову, но слева, с сопки, стеклышки поблескивают. Два стеклышка, рядом, явно - бинокль, и одно одиночное – прицел, однако. Продолжаем рыбалить. Захотят нас пристрелить, мы ничего сделать не сможем. Мы здесь как на ладони. Укрытий нет, да и что толку. Ружье у меня одно, в машине. Пока добежим... Часик ловим, потом спокойно идем к машине и уезжаем.

Айшат с девочками работали и играли во двое. Они явно не ожидали такого раннего возвращения рыбаков и не успели

принарядиться. Отправив девочек накрывать на стол, Айшат вопросительно посмотрела на Игната.

- Чужие... Всю рыбу распугали... - позывной «Казак» был лаконичен, - возьми вон улов в машине. Матвей удачливым на ловле оказался. Шесть «хвостов» взял.

- И еще один хвост привел, с оптикой, - попытался сострить Матвей, но друзья даже не улыбнулись.

Позже, когда опять собрались за столом и отдали должное закускам, заговорила Айшат, словно продолжая вчерашний разговор.

- Думаю, ты, Матвей, ждешь ответа на главный вопрос – а зачем ты здесь. Узнаешь, потерпи. А пока, немного истории.

Камень Великой матери

Много веков назад, когда могучее племя бурятов счастливо и богато жило в мире со своими соседями, наши предки украсили святилища Богов самым драгоценным, что могли найти. Стены были выложены золотыми пластинами с небольшими самоцветами. У главной же фигуры – Великой матери всех Богов Эхе Бурхан на груди было вырезано каменное ожерелье, украшением которого был зелено-голубой камень необыкновенной чистоты и прозрачности. Эти камни вы сейчас называете аметистами или празиолитами. Такие камни, но гораздо меньших размеров, и сейчас находят в наших краях, в старых каменоломнях и заброшенных золотых шахтах.

По легенде, камень Великой матери сам начинал светиться и менял силу своего света, передавая людям волю своей божественной хозяйки. Только Бо, великий шаман, знал этот язык и мог трактовать послания Матери.

В 17 веке в Сибири стали селиться русские. Уходя от царского и боярского произвола, они стали отбирать земли у коренных жителей и основывать свои поселения. Это были первые сибирские поселенцы, казаки, нашедшие, как им казалось, свою благословенную свободную страну Даурию. Отряды этих казаков стали наниматься на службу русским купцам, прокладывая тогда торговые пути на восток.

Один из отрядов этих казаков – дауров наткнулся на наше святилище. Думаю, случайно, поскольку никто из посвященных не мог предать своих Богов и открыть казакам тайное место. Казаки разграбили золото и драгоценные камни. Пытаясь выковырять драгоценный камень из каменного ожерелья Великой матери, воры откололи кусок камня. Осколок упал и закатился за постамент изваяния. Его нашел Бо, великий шаман, пришедший в оскверненное святилище после того, как его покинули разбойники.

Он сделал ритуальный нож с маленькой фигурой Великой матери и вставил найденный им осколок камня в эту фигуру. Это был один из моих давних предков. По оставленной им легенде, Великая мать специально отколола кусок камня, чтобы оставить бурятам след и возможность вернуть камень на место.

Теперь история, как на развилке дорог, расходится на два направления.

Первое – судьба самого камня Великой матери.

Пока камень был на территории Сибири, мы знали его судьбу. Я не понимаю, почему его не вернули тогда, но мои предки говорили, что Великая мать не давала такого распоряжения...

Итак, воры - казаки продали все награбленные ими сокровища русским купцам. Ходит легенда, что, когда они возвращались в свою станицу с обозом полученного от купцов добра, на них напали местные. Смерть разбойников была мучительной и жестокой.

Сам камень купцы подарили потом русско-немецкой императрице Екатерине Второй. У той уже была брошь из похожего минерала, которую ей подарил её польский любовник. Два камня не прижились у одной хозяйки, и наш талисман начал путешествие от одной русской императрицы к другой, причем переходил он только к женам действующих императоров, принимающих судьбоносные для страны решения.

Пока камень был у российских императоров, судьба была благосклонна к бурятскому народу. Заключенные Россией договоры с Китаем, хоть и разделили бурятов на проживание в разных государствах, но сохранили их связь и дали возможность выжить. И земли наши остались нетронутыми, нас не коснулось крепостное право, и в царских войнах буряты не гибли, хотя со времен Чингиз-хана считались отличными воинами.

Для отслеживания судьбы нашего камня в Петербурге туда были направлены наши представители, многие из которых были отмечены даром шаманов. Про Бадмаева знаете?

Последней императрицей, которая держала в руках наш священный камень, была Мария Федоровна, жена императора-богатура Александра Третьего и мать вашего последнего, погубившего Россию, – Николая Второго.

Интересно, что жене Николая Второго, Александре Федоровне, она не стала дарить этот камень, нарушив давнюю традицию императорского дома. Что это, как не воля Великой матери?

Возможно, камень пытался предупредить Марию Федоровну о грядущих бедах, но, не зная его языка, она могла просто испугаться его свечения.

В 1877 – 1878 годах шла очередная русско-турецкая война, и Мария Федоровна ездила на санитарных поездах, организованных возглавляемым ею Красным Крестом Российской империи. Во время этих поездок она познакомилась с будущим министром

путей сообщения Михаилом Хилковым, оказывавшим, по поручению правительства, помощь в движении этих поездов. Желая отблагодарить своего помощника, Мария Федоровна подарила ему этот камень, уже вправленный к тому моменту в оправу, носимую как украшение.

С этим камнем Хилков приехал в Сибирь, строить прямую ветку через Байкал. Был 1905 год, шла война с Японией, и России надо было ускорить подвоз снаряжения к фронту. К тому времени, как ты, Матвей, должен знать, поезда из промышленного центра России шли до Байкала, до станции Слюдянка. Там вагоны грузились на ледоходный паром «Байкал», который вез из до другого берега, где их снова цепляли к паровозу и везли дальше, на восток. Под руководством Хилкова и по его проекту проложили путь по льду Байкала. Уже старый, Михаил Иванович лично руководил работами. Его часто видели и работавшие на стройке буряты, подтверждавшие, что Хилков постоянно носит камень Великой матери на груди, рядом с орденами. Он гордился этим камнем, повторяя, что тот приносит ему удачу.

Известно, что камень сам определяет своего хозяина, и то, что Хилков столько лет носит этот камень, вызывало к нему уважение местного населения. Именно это уважение помогло Хилкову остановить начавшиеся на стройке мятежные настроения 1905 года, во время которых он и заболел. Пробыв еще несколько дней дома, на станции Танхой, он окончательно слег и был вывезен в Россию. Грузившие его в сани буряты утверждали, что камня на его мундире не было, хотя за пару дней до этого они его видели. Жена и немногие домочадцы Хилкова уехали, как только начались волнения, и потому не могли увезти камень с собой. Прислуживавшая графу кухарка из местных утверждала, что сам Хилков из дома не уходил, но его старый слуга – дворецкий пару раз по вечерам выносил из дома небольшой саквояж. В день отъезда Хилкова дворецкий умер от сильной простуды. Дом

Хилкова разграбили, ничего ценного у графа – бессребреника не нашли, и со злости все пожитки и сам дом сожгли.

Камень остался не найденным.

Его тайну знали немногие, со временем о камне забыли. И лишь совсем недавно молва о спрятанном в этих местах драгоценном камне вновь появилась среди жителей и многочисленных здесь искателей приключений.

Уж не ты ли, Матвей, стал причиной этого проснувшегося интереса? Давай, рассказывай, твой черед.

Матвей честно рассказал историю с купленной им в Рыбинске чашкой, попытках найти родственников Хилкова с благородной целью вернуть им чашку. Поведал о «музейных работниках», открывших ему тайну камня и своей очевидной непричастности к поискам самого камня.

- Да сто лет не нужен мне этот камень, из-за которого угрожали моей семье! Никому об этом не говорил, даже когда сюда ехал. И до сих пор мне непонятно, почему в карте, которую передал мне Александр, значится какой-то «Хилков камень»? А за свою ребячливость с теми парнями в поезде мне даже стыдно... Как пацан какой-то, не сдержал себя. Чёртов язык!

- На карте отмечен реально существующий «Хилков камень». Это огромный валун, который, по указанию Хилкова, тогда установили в качестве опоры подъездного пути к ледовому покрытию Байкала. Он не дает рельсам сползать в воду в паводок. Его несколько недель сюда тащили, как валун для питерского «Медного всадника»! Наши тащили, буряты. Потому и чтим как память...

То, что ты ребят в поезде раздражил, так это может и на пользу нам выйдет. Пусть проявятся, поговорить всегда полезней. Надо узнать, чего хотят, - Айшат старалась быть рассудительной.

- Нам выгодно? Нам? - Матвей даже рассердился, - мы вместе что, в какую-то авантюру влезаем? А о детях своих подумали? Мне оно зачем!? И последнее – Айшат, ты так открыто говоришь здесь обо всем. Не боишься, что услышат? Сейчас такая аппаратура есть...
В доме посторонние в последние дни были?

- Посторонних в нашем доме не бывает. Больных принимаю в особом домике, здесь, рядом. Никто нас не слышит. Он бы предупредил, - она показала на отцовский нож, сегодня, как и вчера, лежавший на столе, рядом с её тарелкой, - он бы обязательно предупредил меня. Как и о лжи, и об опасности.

- Ты понимаешь язык этого камня? - Матвей уже почти всё понял.

Нож шамана

- Да, я понимаю этот язык. И ты правильно всё понимаешь...
Давай перейдем ко второму направлению этой истории. Этот нож. Перед своим уходом в мир теней, отец мне много чего поведал и оставил этот нож. Сказал, что помимо того, что нож, вобравший в себя всю силу и любовь наших предков, будет меня охранять, у него есть особое предназначение – вернуть камень Великой матери. Нож действительно охранял меня и мою семью. Он спас меня, когда на меня напала в лесу рысь. Когда Игната столкнули в каменоломню, нож привел меня к нему и помог вытащить. А этой осенью он отчаянно попросил меня отпустить его для начала пути по выполнению особой миссии. Я отпустила, и он исчез. Мне его не хватало, но я знала, где он, знала, в общих чертах, что у вас происходит, знала про чашку и поиски Хилкова. Нож выбрал тебя, как нашего союзника, предупредил о походе к тебе «темных сил», организовал твой приезд и привлечение к нашим планам Александра. Именно нож указал, где найти твой адрес – в старом

вещевом мешке Игната, который я тогда не выбросила, а спрятала, по совету отца, в доме. Мы обговорили с Игнатом все детали. Он всё понял и подтвердил, что ты – лучшая кандидатура. Он рассказал о твоём общении в африканской командировке с местными колдунами. Потом я взяла тебя за руку и почувствовала, что ты – наш. Это – твой путь, и ты сам это знаешь. Помогай Богам, и они обязательно помогут тебя. Так что не задавай лишних вопросов и давайте думать над тем, как нам решить главный вопрос – вернуть камень Великой матери.

«Так бы сразу и сказала», - подумал Матвей, которому сразу стало легче на душе.

И началось обычное оперативное совещание. У них сложился прекрасный триумvirат – Айшат ведала стратегическими вопросами, Матвей решал все оперативные моменты, Игнат обеспечивал матчасть.

Айшат и Игнат признались, что предприняли кое-какие шаги, по «отвлечению сил противника на ложную цель, а возможно – внесение раскола в его ряды». Игнат, вспомнив свою учебу перед отправкой в боевую командировку, смог изъясняться красиво.

Оказывается, получив известие о том, что неизвестные приступили к активному поиску Камня именно в тех местах, где его видели в последний раз, а именно – у Байкала, Айшат при участии Ишната, пустила среди местных слух, что в районе обнаружались следы царского золота, которое Колчак под охраной чешского корпуса, увозил на восток.

Оказывается, среди местных легенд о превратностях судьбы этого «золотого» эшелона, есть и такая. Старики рассказывали, что этот эшелон потерпел крушение в районе озера. Якобы не выдержали паводка наспех уложенные по ускоренному «хилковскому» методу шпалы. Один из вагонов с золотом сошел с рельсов. Дверь вагона была сорвана, и ящики частично высыпались на полотно. Место аварии оцепили, а выпавшие ящики перенесли в

другие вагоны. Но авария произошла ночью и один (в некоторых версиях – два или три) ящик упал в заросший кустарником лаз в каменоломню и не был замечен охраной. Но это видел прибежавший на место аварии первым помощник машиниста, бурят, запомнивший место. В то смутное время он не сумел вернуться к кладу и даже на родину, попав в китайский плен. Но перед смертью он, якобы, передал сыновьям эту тайну, и уже его праправнуки, после войны вернувшиеся в советскую Бурятию, начали поиск.

Слух, как обычно, моментально распространился по всему краю, обрастая все новыми подробностями. Ситуацию, по их просьбе «подогрел» и Александр, запустивший среди иркутских блогеров и «желтой» прессы региона информацию о том, что некие «черные копатели» уже запустили на нелегальный рынок золотые монеты и слитки с клеймом и пробой царского банка. По словам не названных экспертов, слитки не переплавлялись, поскольку знаки царского банка существенно увеличивают их стоимость.

Цель была поставлена, приоритеты определены, и охота началась.

Утром, вооруженные ружьями, мужчины отправились в сопки, а Айшат, привычно оседлал лошадь, отправилась по окрестным селениям, якобы навещать своих подопечных, а на самом деле – собирать информацию. Детей оставили на собак, которым дали команду «Охранять!». Посмотрев, с какой сноровкой Угуль заряжает карабин, Матвей понял, что враг не пройдет.

Игнат остановил «козлика» на площадке у входа в старую каменоломню, где сходились три дороги и несколько тропинок. Идеальное место, чтобы незаметно подойти, и так же незаметно уйти. Сделав вид, что роются в наваленных в машине вещах, друзья ждали.

И дождались! Сначала они услышали рык мощных моторов, вытягивающих из слякоти своих владельцев, потом на площадку с двух сторон въехали два закамуфлированных иностранных внедорожника, в каждом из которых сидели по три вооруженных «охотника». По тому, как они одновременно выскочили из машин с ружьями наперевес, Матвей понял, что ребята приехали на облаву. У Игната с Матвеем в руках тоже были ружья, но никто не стал наводить друг на друга оружие, как в плохих боевиках.

Узнав в одном из вышедших очкастого лаборанта – архивариуса, Матвей изобразил радостное удивление и в знак своих добрых намерений даже положил ружье в кузов «козлика», но так, что достать его и произвести выстрел можно было в одно мгновение. Игнат не стал демонстрировать добрую волю, крепче сжав свое оружие.

- Ба, какая встреча! – Матвей «надел» самую приветливую из своих улыбок, лихорадочно думая о том, что не знает, как обратиться к очкарику. Ну, не «Буратино» же его называть, а названного ему при первом знакомстве имени он, естественно, не запомнил. Тогда было незачем, а уж сейчас – тем более. Решил, что «уважаемого» хватит.

- Мы с вами стали часто встречаться, уважаемый. Так и в привычку войдет... Чем обязан? По-моему, я ясно дал понять, что к вопросам, вас интересующим, я не имею никакого отношения.

- Успокойтесь, Матвей, и скажите своему сослуживцу, чтобы убрал палец с курка. Нервирует. Я – то не так силен в перестрелке, стреляю только по тарелочкам, но ребята мои – очень нервные и имеют неплохой боевой опыт.

Я ненадолго задержку ваше внимание. Что касается вашей незаинтересованности – нам прекрасна известна ваша роль в возвращении старообрядческой церкви клада Демидовых. Вам казалось, что вы с вашим сообщником, профессором религиозных лженаук, ловко обманули наследников и нас. Да, да, нас! Мы

следили за профессором с самого начала ваших поисков. Он же сам попросил помощи нашего коллеги в справочном отделе Исторического музея. А потом и сынок – наркоман незадачливого наследника раскололся. И если бы вы, Матвей, не подключили тогда прокуратуру – гениальный, кстати, ход! – мы бы вычистили все подвалы старого демидовского дома. Тогда вас простили, поскольку действовали вы не в силу личной корысти, и себе никакого навару не оставили.

Но сейчас вы переходите, как сейчас модно говорить, «красную» черту.

- Опять какой-то камень беспокоит? Сходите к урологу, - не сдержался Матвей.

- Грубо, Матвей! Вы же «косите под интеллигента»... И не забывайте о своей семье и близких. Сейчас в этот круг вы поставили еще и семью Игната. Вы ведь помните, Игнат, как погиб брат вашей жены? А как вас «уронили» в пропасть? – «Буратино» явно наслаждался своим превосходством.

Возразить ему было нечем.

- Сейчас – то какие к нам вопросы? Мы не ведем никаких поисков, просто общаемся и отдыхаем.

- Убедительно. Почти поверил. Если бы не одно обстоятельство. Как-то не так давно вы, Матвей, интересовались судьбой царского золота. Мы не оставляем людей, хотя бы раз попавших в поле нашего зрения, особенно таких «одаренных» как вы. На контроле стоит ваша электронная почта, контакты. Если государственная система делает это в отношении всего населения, то поставить «сеть» на десяток – другой людей не так сложно...

Так вот. Вас интересует царской золото, не отрицайте. И вот ведь какое совпадение – в байкальском регионе активизировались искатели пропавших при крушении в 1918 году «золотого» эшелона нескольких ящиков с этим самым презренным металлом. По ушам

впечатлительного населения опять ходит затихшая, было, легенда о машинисте этого эшелона, знавшем тайну. И тут в этот регион приезжаете вы, неумело отвлекая наше внимание на «Хилков камень». Помните поезд и своих попутчиков. Идиоты...

- Ну так это только легенда... - пытался вставить слово Матвей, но «Буратино» его резко перебил.

- Легенда – этот камень Михаила Хилкова, пока его случайно не найдут. А пропавшее в 1918 году золото – реальность. Есть подлинные документы, и есть вот это, - архивариус достал из кармана коробочку, открыл крышку, и Матвей увидел лежавшие на темной подложке два монеты.

- Это – золотые царские монеты, так называемые «империал» и «полуимпериал», номиналом в 10 и 5 рублей. Есть еще «полуимпериал» в 7,5 рублей, но он нам еще не попался.

- Вы нашли их здесь? В Бурятии? – Матвей был действительно удивлен.

- Их пришел продавать приезжий «копатель». Допрос и осмотр места этой находки показал, что монеты перепрятали недавно. А это значит, что основной клад найден и расползается мелкими ручейками по сторонам.

- А вам не кажется, что если бы клад действительно нашли серьезные искатели, то забрали бы всё и увезли отсюда. А сколько там всего золота? Вы же говорите, что вас есть документы. Бросьте, колитесь, вы же видите, что мы вам не конкуренты...

- Может, и не конкуренты. Жизнь покажет... Но кое-что я вам скажу, хотя думаю, что с учетом вашей квалификации, вы уже это знаете.

Летом 1918 года в Казанское отделение Народного банка России, а так тогда назывался Государственный банк России, большевики увезли 444,5 тонны золота, что составляло 73% золотого запаса страны. Это золото большевики забрали из Самары

и Симбирска, куда она ранее было перевезено по приказу Николая Второго, опасавшегося захвата немцами Петербурга. Мелкими струйками золото утекало к руки банковских служащих, всевозможных правителей. Непокойное было время. Мятежи, гражданская война. Золотой запас метался по Сибири, был и в Омске, и в Иркутске. Не воровал его только ленивый. При эвакуации золота из Казани большевиками бесследно пропало сто ящиков; когда Омск брал полковник Каппель с горсткой своих людей, горожане ведрами выносили из неохраемого банка золото и облигации; из вагонов ящики с золотом выносили люди атамана Семенова, контролировавшего Транссиб. Чехи, за право доехать до Владивостока и уплыть оттуда домой, отдали Колчака и часть его золота большевикам, но увезли несколько вагонов с золотыми ящиками. Пока «золотые» поезда стояли на путях в Иркутске и Омске, вагоны много раз вскрывались, и золото расхищалось.

Тот поезд с золотом, о котором мы говорим, потерпел аварию во время следования во Владивосток, куда Колчак вез 18 тонн золота для покупки у США и Японии оружия и снаряжения. Строгого учета тогда не велось, но, по некоторым данным, пропало 2 – 3 ящика. Остальное золото, как было принято тогда, пропало... Неизвестно, пропало ли оно в сейфах американцев или японцев, но знаем, что никакое оружие Колчаку поставлено не было.

Для справки, - «Буратино» явно красовался своей информированностью, - золота было государственное, из казны, и частное, хранимое предпринимателями в частных банках. И то, и другое золото оказалось вместе. Разница в том, что государственное золото было в слитках по 4 килограмма каждый, и в ящике их было четыре. Частное золото хранилось в слитках по 7 – 12 кг. Золотая монета той же, царской, 56-ой пробы, перевозилось в ящиках весом 52 кг, размером метр на полтора, и было самой

желанной целью мародеров. Поскольку монеты было удобнее прятать и хранить.

- А какие ящики пропали во время крушения? Со слитками или с монетами? – на этот раз любознательность Матвея вызвала раздражение «Буратино».

- Вы хотите знать слишком много или маскируете свою, якобы, непричастность!

- И последний, на сегодня, вопрос, - Матвей должен был довести разработанный ими план до конца и подвести «Буратино» к принятию решительных действий, - судя по тому, что вы оставили первопрестольную и прибыли сюда, да еще на машинах с московскими номерами, не таясь, вы – или руководите всем процессом или очень доверенное лицо ваших нанимателей? Интересуюсь с простой, прагматической, целью. Если мы с моим другом случайно, в ходе наших прогулок, в том числе по знаковым местам Забайкалья, найдем слиток или монету, кому мы можем предложить их купить? Не идти же к мелким посредникам. И, кстати, сколько это стоит? Мы же не такие бессребреники...

«Буратино» на минуту задумался. Потом приказал своим помощникам.

- Эй, вы! Быстро посмотрите, не ли у них в машине спелеологического оборудования, да и вообще, чего интересного!

Матвей дал знак насторожившемуся Игнату – «Не мешай», и один из охраны быстро обыскал машину. Мумий, саркофагов, веревок, касок и фонарей обнаружено не было, Матвей приветливо улыбался, и «Буратино» заговорил,

- Что же, приятно, что в вас проснулась коммерческая жилка. Поговорим, как деловые люди. Я, действительно, руковожу всеми поисковыми действиями, и логистикой, и оперативными мероприятиями. Заказчики указывают цель, оплачивают расходы и выплачивают бонус за результат. В деле с царским золотом Сибири

заказчиков нет, это просто деньги. Чистые деньги, и я сам принимаю все решения. В случае появления у вас разовых артефактов я заплачу цену золота на день покупки плюс вторую цену – за эксклюзив. Больше вам никто не даст. Плюс гарантия полной конфиденциальности. По-моему, это классное предложение!

- Согласен! – ответил Матвей, - позвольте продолжить наш отдых. У нас по плану – знакомство с животным миром Бурятии.

Рассевшись по машинам, «высокие договаривающиеся стороны приостановили переговоры в поисках консенсуса по интересующим их вопросам».

Игнат все порывался что-то сказать, но Матвей, знаком приказав молчать, соловьем разливался по поводу компетентности и щедрости их оппонентов, выражая желание действительно найти кусочек царского золота и стать «чутьочку богаче». Поняв игру своего напарника, Игнат тоже буркнул о том, что ему давно пора менять машину, да и пара новых стволов не помешала бы.

Доехав до места и выйдя из машины, пошли по лесу. Матвей, разрядив ружьё, и повесив его на плечо, просто наслаждался природой, а Игнат, как охотничий пес, просто искал дичь. Сняв мелким выстрелом с ветки какую-то фазанистую птицу, он присоединился к Матвею, показав путь к уютному местечку в распадке, у журчащего ручейка. Попив воды и вытерев вспотевший лоб, охотник молниеностно разделал тушку, соорудил костерок и нанизал дичь на срезанные прутья.

Пока птичка жарилась, Матвей просто уснул. Под журчанье ручейка, шелест деревьев, эту тишину, наполненную целебным воздухом. Разбуженный Игнатом, отдал должное кулинарному и охотничьему таланту своего напарника.

Когда весеннее солнце стало клониться к западу, а тени деревьев – ложиться под ноги, повернули к машине. По пути сумели тихо и незаметно обменяться парой фраз.

- Я узнал его, - прошептал Игнат, - того, что машину обыскивал. Это ведь он в прошлом году столкнул меня в котлован, когда я от группы по нужде отошел. А потом и группу увел, закричав, что я убежал за зверем.

- «Жучка» точно в машину поставили. Дома загони «козлика» в гараж. Я посмотрю. А поговорим потом.

Айшат уже вернулась домой. Внучки наперебой рассказывали, как прятались в доме и рассматривали в бинокль, не подходят ли к дому посторонние. Младшая дочь, Аяна, снисходительно смотрела на малышей, поскольку ТОЧНО знала, что опасность им не угрожала.

«Жучок» в машине Матвей увидел сразу. Микрофон на магните прикрепили под приборной панелью. «Заранее знали, подлецы, что поставят «жучок». Потому и крепление сделали не на липучей лента, как для городской машины, а на магните, поскольку у «козлика» почти все детали металлические», - подумал Матвей и оставил микрофон на месте.

Заняв свои места за столом, все с надеждой посмотрели на спокойно мерцающий нож у тарелки Айшат, и начали свое вкусное совещание.

Отчет по итогам дня начали с Игната. Рассказав о том, что узнал своего обидчика в одном из приближенных главаря «плохишей», он сказал, что во время их с Матвеем прогулки по лесу за ними следили. «Те же бинокль и ружейная оптика, следили с разных сторон». Матвей передал свою очередь отчитываться Айшат. Та рассказала, что вся округа уже гудит рассказами о появившихся в регионе царских монетах из «золотого» эшелона, а также о пропаже в одной из групп приезжих «черных копателей» человека, которого вроде как отправили сбыть несколько найденных монет.

Матвей не выдержал.

- Или вы мне рассказываете всё, или не вижу смысла продолжать! Начинаю спрашивать, отвечать коротко. Если я не прав – даете свою версию. Те ящики вы нашли!

- Не мы, но нашли, - Айшат гладила отцовский нож, избегая смотреть Матвею в глаза.

- Большой ящик с монетами или еще со слитками?

- Большой ящик плотно застрял в расщелине. Несколько монет из него выпало. Их смогли достать. Внизу виден ящик поменьше, но туда не пролезть. Гора гудит, если рвануть или сильно ударить, всё может обрушиться. Всё это – на большой глубине, очень опасно.

- Монеты подложили «копателям»?

- Я подложил, как сказала Айшат, - Игнат сидел, скрестив перед собой на столе руки и глядя только на них, - они там копали один ствол старой каменоломни. Я ночью подбросил им на пути старую жестяную банку из-под конфет, с тремя монетами.

- 5, 7 с половиной и 10 рублей? Два «полуимпериала» и один «империал»?

- Ты откуда знаешь?

- Сегодня очкарик показал две монеты, 5 и 10 рублей. Третья монета, видно, как и остальное царское «золото», по пути потерялась. По его словам, «копатель» признался, где нашел, и место уже зачищено. Как, очевидно, и он сам...

- Ключнули, значит! Мы их подальше от ящиков увели.

- Ребята, начинаются трупы. О детях подумайте, - Матвей призывал к миру чисто риторически, понимая, что назад пути нет. Ибо ставка в этой игре – жизнь их детей. Понимали это и Айшат с Игнатом, потому не стали даже отвечать.

- Еще один вопрос, - Матвей, как ему казалось, знал ответ, но боялся спрашивать, опасаясь реакции, - когда и как вы нашли ящики, и кто еще знает об этом месте?

- Ты прав, Матвей, - тихо начала рассказ Айшат, - О кладе отцу перед смертью рассказал один из наших, дальний родственник очевидца того крушения. Место он знал лишь примерно, поскольку точной карты не существует. Мой брат был профессиональным краеведом и спелеологом, прекрасно знал территорию всей Бурятии и ее историю. Он работал без помощников, только со своей женой. Ему удалось найти это место, где были ящики, и он поднял на поверхность несколько монет. У него был план – раскрыть властям эту тайну взамен обещания инвестировать найденные деньги в наш край. В школы, больницы... Хорошо, что он не рассказал о том, что уже нашел и не показал монеты. В ходе своих хождений по коридорам власти, где он предлагал «начать работы по поиску», он убедился, что никто не заинтересован в инвестировании средств в регион. Его сразу вывели на неких «частных предпринимателей», готовых вложить деньги в экспедицию, но при условии, что о найденном кладе не будет сделано никаких официальных объявлений, а само золото перейдет в собственность этих «предпринимателей». Брату предлагали огромные деньги, но он отказался.

Думаю, в ходе общения с братом эти люди поняли, что он располагает реальной информацией о кладе и не оставит своих попыток реализовать свой план. И тогда его убили. Вместе с бывшей тогда в его машине женой. Их дом обыскали и сожгли. Просто повезло, что их дети гостили у нас в доме и остались целы. Но правильнее сказать – это Великая мать Богов сохранила и детей, и тайну клада.

Думаю, что к смерти брата причастен этот ваш знакомый, - при этих словах Айшат, лежавший перед ней нож озарился ярким светом кристалла, - и это означает, что я не остановлюсь на полпути.

- У кого будут какие-либо соображения по нейтрализации противника? – несмотря на стремление Матвея смягчить постановку вопроса, сам вопрос прозвучал зловеще. Предложения метались в диапазоне – от «перестрелять, подорвать динамитом» (позывной «Казак») до «призвать силы Тэнгри, Великой бабушки темных сил Маяс Хары и принести виновных в кровавую жертву темным же демонам» (Айшат).

Выслушав эмоциональные мнения высоких участников совещания, Матвей резюмировал.

-Перестрелять – отставить, динамит оставить как запасной план, темные и светлые силы просить о помощи надо. Но главное – нужна еще хотя бы одна царская монета. Айшат, ты говорила, что твой брат сумел достать из пролома несколько монет? Он их вряд ли продал. Скорее всего, оставил, по вашим традициям, своим детям.

- Матвей, почему тебе тебе удается всегда угадывать? Монеты есть, но все не отдам. Они отложены на приданное девочкам.

- Одну дашь. Сразу предупреждаю – безвозвратно. Но очень надо, - и Матвей изложил им свой план.

- Ладно. Что еще?

- Снаряжение – веревки, крепеж, каска. Но главный вопрос – кто полезет к ящику? Я не смогу, застряну, да и тяжел, Игнат меня не вытащит. Сам Игнат с его больной ногой отпадает. Айшат нужна семье и всем бурятам.

- Я полезу, - в комнату неслышно зашла младшая дочь, Аяна, - мама, не возражай. Я ходила тайком от тебя на спуски с дядей, умею пользоваться снаряжением. Потом, я – лёгкая и худенькая, и дядя Матвей меня всегда вытащит.

- А рука? – заволновалась Айшан.

- Я перебинтую пальцы. Мы с дядей это уже делали. Пойду укладывать снаряжение.

Когда девочка вышла, Айшат, непривычно для себя, да и для всех, разволновалась.

- Да, она – моя дочь! И я волнуюсь! Был бы жив брат, получил бы от меня за риск приобщать девочку к спелеологии. И да! У неё шесть пальцев, как еще в первый раз заметил Матвей! И она должна будет заменить меня в служении Великой матери! И ей еще нужно будет тяжело переболеть, чтобы переродиться! И помощника ей надо будет найти!

А шестой палец пока слабенький, хрящ еще не окостенел, опасна любая травма. Потому и рукавичку носит. А вы – в подземелье её спускать хотите...

Но слезы иссякли. Шаман, служитель Великой матери, победил мать земную. Айшат вытерла глаза и пошла к дочери. Вскоре она вынесла оттуда рюкзак со снаряжением и протянула его Игнату, погрозив при этом пальцем. Матвею она вручила кожаный мешочек, в котором он нащупал монету.

Мужчины не стали ничего говорить и пошли к машине. Там они подробно обсуждали возможные места поисков, намеренно называя весьма отдаленные районы. Наконец, Матвей подытожил,

- Едем завтра в Слюдянку. Искать там бесполезно. Там уже всё, наверно, перекопали, включая центральную площадь. Но потолчемся, с людьми поговорим, понюхаем. Да и Аяна твоя просила в магазин её свозить, для шитья что-то купить. А уже послезавтра, с самого утра, возьмем снаряжение и слазим в пару нор. Есть у меня некое предчувствие.

Пока сослуживцы разговаривали, вводя в заблуждение слушающего их коварного соперника, они споро уложили в машину рюкзачок со снаряжением, пару альпинистских веревок и фонарей.

Хмурым утром, когда Байкал решил показать им свой нрав, закидывая порывами холодного ветра мокрые брызги во все щели неоттапливаемого кузова, они выехали со двора. Зябко ёжась в тёплых куртках, мужчины с тревогой посматривали назад, где на заднем брезентовом сидении в уголке закуталась в теплую кофту и плащ худенькая девочка, которой готовилась судьба стать верховной шаманкой Бурятии, служительницей Великой матери Богов.

На одной из развилок дороги, ведущей в Слюдянку, Игнат свернул на неприметную лесную дорожку, которая, ужимаясь до размеров тропки, вывела их на маленькую поляну. Оставив на ней машину, троица стала подниматься по склону сопки до почти неприметного лаза в недра сопки. Скинув плащ и кофту, Аяна оказалась в ладном альпинистском комбинезоне. Быстро закрепив на себе необходимое оборудование, девочка проверила переданные ей Матвеем телефон и монету, и храбро залезла в узкий лаз. Первым к лазу, контролируя веревку и освещая происходящее внутри мощным фонарем, стоял Игнат. Вторым, страхующим, стоял Матвей. Выполняя роль главной тянущей силы и стопора, он даже закрепил страховочный строп на стволе дерева, к которому, на всякий случай, были прислонены два заряженных ружья.

Связь с Аяной держали через радиопередатчик. Через несколько минут радостный голос девчушки сообщил, что она видит оба ящика.

- Большой застрял боком в расщелине, один бок поврежден, веревочная скоба порвана. Внизу, метрах в двух, на самом дне, вижу второй ящик, сильно меньше по размерам. Вроде нетронут. Но вокруг что-то блестит от фонаря. Это же монеты! Сколько их!

- Можешь положить рядом с большим ящиком нашу монету, так, чтобы её было хорошо видно, и несколько раз сфотографировать весь этот клад?

- Смогу, наверное. Чуть ослабьте веревку... Так. Всё. Готово. Тяните потихоньку. Здесь острые обломки из стен торчат. Да и гудит что-то. Как будто вода внизу ревет!

Достав девочку, Игнат принялся её целовать, освобождая от амуниции. Матвей проверил прекрасно получившиеся фотографии и дал команду завершения этого этапа операции. Снаряжение быстро запаковали и спрятали под куртками и дождевиками. Через несколько минут эта спускающаяся с сопки троица промокших туристов совсем не напоминала отважных спелеологов, прикоснувшихся к тайне царского золота.

Сев в машину, обсудили непогоду, выходить в которую совсем не хотелось. Если бы не естественная нужда...

В Слюдянке Матвей с Игнатом потолкались по рынку, проводили Аяну в универмаг, где купили ей несколько кусков ткани.

Дожди зарядили нешуточные, но пережить непогоду они не могли. Уже на следующий день, под проливным ливнем, они честно объехали несколько известных Игнату заброшенных шахт. Через день повторили поездку уже по другому направлению. Каждый раз места посещения и маршруты активно обсуждались в машине или рядом с ней. При этом каждый раз перед очередным проломом в земле Матвей навьючивал на себя спелеологическое оборудование, храбро влезал в лаз и... присев на удобный камушек, пару часов дремал в сухом месте, пока Игнат отгонял под дождем и под благовидным предлогом других желающих залезть в земные недра.

На третий день им это надоело, и был разыгран заключительный радиоспектакль.

- Как думаешь, Игнат, мы достаточно поездили, чтобы сбить со следа возможную слежку, чтобы они не догадались, где мы нашли ящики?

- Думаю, да, мы полрайона объездили.

Достав из-под приборной панели «жучок», Матвей весело прокричал в него,

- Уважаемые, мы готовы к сделке! – и выбросил микрофон из машины.

Нужно ли говорить, что при подъезде к городу их ждал черный внедорожник, фарами давший сигнал остановиться. Вышедший из него «Буратино» был элегантен в своём импортном дождевике. Презрение и сарказм звучали в его обращении к мокнувшему напротив него Матвею и Игнату, тщетно пытавшихся спрятать лица от яростных струй под капюшонами курток..

- Ну что, надоело мотаться по заброшенным шахтам? То, что вы нашли микрофон, я понял после первой вашей поездки по памятным местам. Матвей, вы действительно лазали по этим каменоломням? Не перестаете меня удивлять! Действительно, нашли золото? Где оно, в машине? Хотелось бы взглянуть...

- Сто с лишним килограммов? Мы, что, похожи на подъемные краны? Золото лежит на месте, ждет вас.

- Доказательства?

Матвей показал фотографии на телефоне. «Буратино» судорожно впился руками и глазами в экран. Забормотал,

- Похоже... Очень похоже... Ну и что мы делаем дальше? Уговор был – вы мне золото, я вам деньги по весу.

- Вы же понимаете, что вытащить золото мы вдвоем не можем. Можно привлечь дополнительную рабочую силу, но это будет означать утечку информации.

- Согласен. Но вы заставляете меня рисковать. Помните знаменитый фильм «Блеф» с Адриано Челентано в главной роли? Я на это не поведусь. Мне нужны фото для экспертизы.

- Я перешлю. Номер вашего телефона?

- Нет. Я должен увидеть и заснять всё сам. И прежде чем мы продолжим разговор, ставлю вас в известность, что кроме микрофона, «жучок» в вашей машине имеет еще функцию «маячка». Сюрприз?! Да, техника стремительно развивается... Спутники, Глонасс, Старлинк.

Так что мы прекрасно знаем, где именно были вы, точнее говоря, ваша машина в последние три дня. Элементарное сравнение ваших «клоунских» разговоров «для микрофона» и показаний маячка показало нам реальный маршрут ваших передвижений и время ваших остановок. Интересной для нас была только остановка по дороге в Слюдянку, в которой вы отыграли хороший спектакль. Девочку только зачем использовали? Или она тоже задействована в операции «Дурилка»? Она, случайно, не юный спелеолог?!

Впрочем, с ней, как и со всеми вами, будем разбираться потом. Надеюсь, в присутствии детей вы станете более сговорчивыми, чем братик твоей женушки – шаманки. А, Игнат? Или хочешь, чтобы я звал тебя по твоему старому позывному – «Казак»?

А пока, чтоб вы знали, мои люди обшаривают сантиметр за сантиметром землю в районе вашей остановки на пути в Слюдянку. Мы обязательно найдем заветное место. Все следы скрыть невозможно. Следы крепления страховочных тросов на деревьях, следы трех пар обуви на влажной земле. Не повезло, что уже четвертый день идут проливные дожди, собак нельзя использовать, но зато мокрая земля лучше сохраняет отпечатки.

Трель телефона «Буратино» прервала его монолог.

- Неужели нашли? Молодцы! Надо ехать, а то оборудование в моей машине, - он поднес телефон к уху.

- Какой потоп!? Какой водопад!? Кого смыло? Оставайтесь на месте, я выезжаю!

Убрав телефон, отдал команды

- Едем. Моя машина первой. За нами – эти клоуны на своём «козле». Ты - он показал на своего охранника, садись к ним и держишь их на прицеле. Стрелять при малейшем подозрении, они – ребята ушлые.

Джип с водителем и ругающимся с кем-то по телефону «Буратино» ввинтился в стену дождя. В мокром насквозь «козлике» на передних сидениях разместились не особо веселые Матвей и Игнат, на заднее сидение взгромоздился охранник, направив дуло своего пистолета в сторону наших героев.

Матвей лихорадочно думал над вариантами выхода из, прямо скажем, критической ситуации, в которую загнал их «Буратино», напрямую угрожающий их жизням. Оружия у них не было, снаряжение, которое можно было использовать, лежало в багажном отделении. Решив, на всякий случай, проверить карманы, (а не завалялась ли там граната?), Матвей заерзал на сидении. В шею ему тут же уперлось холодное дуло.

- Сидеть тихо!

- Да я платок хочу взять, лицо вытереть, - пытаюсь звучать жалобно, оправдывался Матвей, внезапно нащупав во внутреннем кармане ...нож. Да, тот самый нож, который он и привез в этом самом кармане. Как он там оказался, Матвей не знал. По крайней мере, он его туда не клал.

Ну а дальше, по классике жанра. Нож потихоньку убран в рукав, клинком прижат к ладони. На одном из поворотов, когда передний джип скрылся придорожными деревьями и стеной дождя, Матвей быстро скомандовал,

- Посмотрите, что там на нас идет! - показав рукой направо.

На долю секунды головы охранника повернулась, но этого оказалось достаточно, чтобы нож, чиркнув по горлу, перерезал его. Ставшее грузным тело Матвей с трудом уложил на пол машины,

надеясь, что из джипа не смогут разглядеть это жертвоприношение Богам. К чести Игната, бывалый механик – водитель ни на секунду не отвлекся от дороги. Уже чуть позже, слушая, как пульсирующая кровь толчками льется из перерезанного горла на железный пол, он спокойно так спросил:

- Чем ты его?

Ответ Матвея был не менее спокоен.

- Тем самым ножом.

- А как он у тебя оказался?

«Стреляли...» - ответил бы киношный Саид, но Матвей честно признался.

- Не знаю...

Машины снова ехали бампер в бампер. Вдруг джип затормозил, едва не получил удар едущего сзади «козлика». Сквозь треснутое ветровое стекло, струи дождя с которого не успевали сгонять «старорежимные» щетки, они увидели, что дорогу впереди преграждает бурный водный поток. Стекая, как по руслу, по той самой проселочной дороге, по которой они когда-то поднимались к золоту, вода промыла все полотно дороги и низвергалась вниз, таща глыбы камней, сучья и стволы деревьев. Реакция Игната была моментальной.

Крикнув Матвею – «Прыгай!», он дал задний ход и, дождавшись, когда Матвей покинет, по-десантному сгруппировавшись, кабину, буквально впечатал своего боевого друга в задний бампер остановившегося перед потоком черного джипа с московскими номерами.

За долю секунды до громкого столкновения, Игнат с гордым позывным «Казак», вывалился из кабины «козлика», упав в кювет.

Обе машины рухнули в поток. Взбунтовавшаяся стихия легко приняла две железные коробки и погнала их дальше, постукивая о встречные валуны и стволы деревьев.

Матвей помог выбраться из канавы сильно хромавшему Игнату. Попытаться идти в гору было бесполезно, да и незачем.

Найдя на земле подходящую палку, все тем же ножом Матвей выстругал из неё подобие костыля, опираясь на который, Игнат, поддерживаемый своим другом, заковылял по дороге. Первая же встречная машина с удовольствием развернулась и подвезла их домой. Сидя на нормальном заднем сидении в теплой машине, где работало радио и нормально функционировали щетки дворников, Игнат наклонился почти к уху Матвея и почти прошептал:

- Спасибо. Это ведь тот был, что меня в котлован сбросил. Сам хотел поквитаться, но так тоже хорошо.

- А чего шепчешь? Микрофонов ведь уже нет.

- По привычке.

Домашние все уже знали, что опасность, реально висевшая над всей семьей, миновала. Пока Угуль с близняшками готовила баню, мужчины рассказали о том, что произошло. Заметив, что Айшат и Аяна странно улыбаются, а висевший всегда на своем месте на стене старинный большой бубен лежит на диване, Матвей спросил прямо.

- Вы шаманили, просили помощи Богов и вызвали Большой дождь?

- Мы проводим ритуалы каждый день уже неделю, а сегодня Великая мать дала, наконец, Большой дождь.

- А кто мне нож в куртку положил?

- Я, - честно призналась Аяна, - он сам попросил. Ведь пригодился?

- Еще как, жизни нам спас, - подал голос Игнат, морщась от боли в ноге, - теперь вот ногу бы вылечить. Завтра в больничку поеду.

- На чем? – хитро улыбаясь, спросила Айшат.

- На лошади. Завтра она моя.

- Завтра я тебя сама лечить буду. Не веришь духам, посмотри мой диплом фельдшера. А Большой дождь ночью закончится, послезавтра все ТУДА поедем. Я у соседей лошадей возьму.

Вечером, после бани, когда за празднично накрытым столом все утолили первый голод, мужчины выпили по паре рюмок ароматной настойки, Матвей осмелился спросить Айшат.

- А золота не жалко?

- Нет. Оно – не наше, грязное. Много зла и крови на нем, в том числе и моего брата.

- Грязное – то оно, грязное. Но я без машины остался, а с такой ногой много не нашишкую, и туристов не поводишь, - откровенно грустил Игнат.

- А ты Богов попроси, может и помогут, - и опять Айшат и Аяна хитро улыбались.

Домашнее лечение, где Айшат удачно совмещала современные медицинские средства с мазями и компрессами из трав, принесло результаты, и через день Игнат уже смог самостоятельно сесть на лошадь и гордо, по-казацки, погарцевать по двору.

Уже безбоязненно оставив девочек дома, трое всадников направились к заветному месту. Оказалось, что «козел» был намного быстрходнее лошади, и путь занял несколько часов. На асфальтовой трассе уже всюю шли ремонтные работы, проселок был полностью смыт потоком, оставившим после себя искореженные стволы деревьев и множество камней. Подниматься

пришлось просто по склону, благо лошади были привычны к такому маршруту. Метров за сто до заветного лаза в «пещеру Аладдина» лошадей пришлось оставить, поскольку весь склон был превращен в каменное русло новой реки. Сейчас сухое, оно служило грозным предупреждением о силе и непредсказуемости природы.

Место входа в пещеру было сровняно с остальным ландшафтом, и найти его сейчас было невозможно. Они несколько раз прошли по руслу, пытаясь определить, где именно они опускали на веревке худенькую Аяну, но ничего не нашли. Глазастый Игнат увидел среди камней металлический трос, один конец которого был оборван, а второй вел куда-то к другому берегу каменной реки. Сначала Игнат сматывал трос – «в хозяйстве всё пригодится», потом это ему надоело, и они просто шли по металлической нитке, изрядно пожеванной камнями потока. Уже подходя к нетронутому потоком лесу, Игнат увидел в ветвях какой-то блеск. Подойдя ближе, они увидели стоящий в кустах черный внедорожник с московскими номерами, такой же как у канувшего в поток «Буратино». Его явно бросили в спешке. Даже двери не заперли, и ключ был в зажигании, видимо, чтобы работала лебедка.

- Это же вторая машина злодеев! А трос этот – от её лебедки. Видимо, на этой лебедке они спускались в пещеру. А вода просто сдвинула машину вбок, где она заглохла и зацепилась за кусты. Она же целая! Только чуть поцарапана ветками! – радостно-возбужденный Игнат чуть не танцевал вокруг машины, ощупывая её и цокая языком от восторга.

Матвей понял, что Игнат уже представляет себя владельцем этого джипа, временно оставшегося бесхозным, и попытался урезонить бывшего сослуживца.

- Игнат, остынь. Как ты оформишь на него документы? А как обслуживать такую дорогую иномарку в вашем регионе? Даже если

владелец не будет её искать, найдутся завистники и просто доброхоты, скинут фото в Сеть.

- Не гони, Матвей. Я всё уже придумал. У меня есть знакомый, тоже казак, майор на отдаленной, ну, очень отдаленной военной базы. Майор – тот еще жук, хитрый, как... Но любит охоту и хранит верность казачеству! Мне многим обязан, да и знаю я про него... и еще Айшат его дочку вылечила.

Я раньше своего «козлика» у него обслуживал. На его базе хранится техника... Разная.... Ну, на всякий случай. Есть несколько новых УАЗов на консервации. Как Хантеры, только в моей любимой камуфляжной раскраске. Майор их потихоньку распродает, типа вышел срок хранения, стухли, новые пришли – ставить некуда. Продает как на запчасти, так и целиком, с оформлением документов.

Майору осталось полгода до пенсии, и он мечтает въехать в свою станицу на Ставрополье на крутом джипе. Хату там он уже поставил. С гаражом.

Я у него этот джип на нового «козлика» поменяю.

- А он не заявит в полицию?

- Майор? В полицию? Нет! Он её не любит, а москвичей, как и все у нас, - теперь кроме нашей семьи, - просто терпеть не может. Первое, что он сделает, это уничтожит номера и перебьет все цифры на моторе и раме. Поменяет всю электронику. У него на базе такие мастера есть! Он их по всей Сибири себе на базу отбирал. Там же ракеты... Ой, что это я? Проговорился, что ли?

- Игнат, подумай, подставляешься... Айшат, скажи ему!

Красавица – шаманка сделала вид, что не понимает, о чем идет речь.

- Пусть мужчина сам решает. Он – хозяин! Как скажет, так и будет.

И снова убедился Матвей, что не надо лезть в чужую жизнь даже с самыми лучшими намерениями. В лучшем случае сам же виновным окажешься. В худшем – друзей потеряешь.

И еще понял по насмешливому взгляду Айшат, что Великая мать знает о машине и уже всё одобрила.

-Ну, Боги вам в помощь! Игнат, помощь нужна, как ты выйдешь отсюда? Может, лошадками дернем? За лебедку? – пытался шутить Матвей. Но мысли Игната были уже заняты другими, более важными вопросами, и он не ответил. И только на вопрос Айшат – «Сегодня дома ждать?» отрицательно кивнул головой.

Пока Матвей с шаманкой аккуратно переходили каменную реку, возвращаясь к лошадям, они услышали шум заведенного мотора и трест веток под колесами внедорожника. О том, что опытный лесовик сможет выехать и благополучно доехать до «весьма отдаленной военной базы» они даже не беспокоились.

Вечером, за столом, Матвей и Айшат долго не разговаривали, лишь изредка обмениваясь ничего не значащими фразами. Заговорила шаманка.

- Знаю, спросить хочешь. Звали тебя для поиска камня Великой матери, а занимались мы царским золотом. Ну, во-первых, без устранения этих искателей сокровищ нам не удалось бы решить и главный вопрос с камнем. А без тебя нам вдвоем это было бы не под силу. Великая мать через нож выбрала тебя для нанесения удара и ведения переговоров с ними.

- А ты точно знаешь, что не появятся другие? Компаньоны этих или их хозяева? Потом мы не знаем, все ли наши враги ... ушли в мир теней. Когда найдут машины, будут искать нас. Игнат с его новым «козликом»...

- Всё будет хорошо!

- Великая мать обещала?

- Я обещаю!

- Ну тогда я спокоен. Пойду готовиться к отъезду. Вот дождусь Игната, и поедем...

- Рано еще уезжать, видишь нож переливами светит, - Айшат внимательно вглядывалась в мерцание кристалла на рукоятке ножа, словно пытаюсь что-то разглядеть.

- Аяна, - позвала она дочь, - что видишь?

- Вижу, что Великая мать еще не отпускает дядю Матвея. И слышу, что осталось еще последнее задание. Ночью мы должны с тобой вместе слушать Мать. Сегодня – полная луна.

С этим оптимистическим предчувствием Матвей ушел спать в комнату. Во-первых, каждый раз ему баню топить – дров не напасешься. А во-вторых, Угуль с близняшками уехала домой.

Утром ему рассказали о сути его последнего задания. Не увидев в нем никакой угрозы, он сразу согласился выполнить его, не дожидаясь возвращения Игната. Тот сумел дозвониться жене и сообщил, что всё у него нормально, и «они» возвращаются домой через день.

Вечером Айшат пригласила Матвея на экскурсию в местный этнографический музей. Приглашение несколько удивило, но пребывание в такой непредсказуемой Бурятии уже научило Матвея ничему не удивляться. Когда Матвей и две его сопровождающие подошли к погруженному в темноту зданию, двери музея, как и положено, были закрыты. На условный стук Айшат дверь открыл сильно пожилой бурят в халате, но с берданкой в руке. Женщина молча показала сторожу принесенный в большой сумке бубен и прошла внутрь. Матвей и Аяна последовали за ней. Они услышали, как сторож за их спиной закрыл дверь на засов и выключил свет в фойе. Почти в темноте они прошли через несколько комнат, где в темных витринах были, очевидно, экспонаты местного быта и искусства. Затем, при свете фонарика, они спустились по лестнице к

двери, табличка на которой предупреждала их о том, что там находится экспозиция, посвященная сооружению ледового паровозного сообщения через Байкал в период русско-японской войны 1904 – 1905 годов. Тихим голосом Айшат сообщила, что здесь был последний рабочий кабинет Хилкова М.И., построившего эту переправу. Открыв дверь, они вошли в помещение. В свете фонаря они увидели висевшие на кирпичных стенах карты, планы и схемы, а также стоявшие у выложенной каменной кладки инструменты рабочих – кирки, ломы и лопаты.

- Твоя очередь, Матвей. Напряги свой дар! Слушай, где камень!

- А твои нож и бубен не помогают? – простой вопрос Матвея прозвучал как издевка.

- Мы не слышим здесь камень. Видно, он чем-то прикрыт. Но он должен быть здесь, за этими стенами. Помещение не реставрировали с тех пор, а тогда его не обыскивали, потому что оно было забито ящиками с взрывчаткой, и лежали трупы рабочих. Умерших от чумы во время эпидемии 1904 года. Считали, что в зараженном помещении люди Хилкова не могли ничего прятать.

Матвей вспомнил чумное отделение бывшей больницы в Рыбинске, куда свозили больных со всей России.

Потребовав полной тишины, главным образом для того, чтобы Айшат не била больше в свой устрашающий бубен, Матвей прислушался к себе и медленно пошел вдоль стен, «слушая» ладонями. Он услышал его, этот слабый, похожий на стон, звук, сопровождаемый легким излучением тепла. Он показал это место на стене. Они аккуратно сняли висевшую на стене карту Байкала, и Матвей указал на тот кирпич, который прикрывал источник стона и тепла. Айшат достала нож. Тот самый. И Матвей стал выскребывать старый раствор, державший кирпич в кладке. С помощью одного из старинных ломов, им удалось вынуть кирпич, за которым оказалась земляная перегородка. Здесь в дело пошла лопата, и

вскоре Матвей извлек из выложенной кирпичом ниши малахитовую шкатулку. Для сокрытия громких звуков разрушения стенки, Айшат, а затем и Аяна, били в бубен, протяжный звук которого прекрасно маскировал удары инструментов.

- Малахит! – воскликнула Айшат, - вот почему камень не мог достучаться до нас. Малахит тоже имеет божественное происхождение. Он защищает от влияния темных сил, но перекрывает и другие излучения.

Железный крючок, на который запиралась шкатулка, давно отржавел, и открывшаяся крышка представила их изумленному взору огромный зелено – голубой камень, мерцающее сияние которого, словно соскучившись в заточении за два века пребывания в темнице, усиливалось и вскоре залило всё помещение. Как зачарованные, они смотрели на камень, пока холодный голос Айшат не вернул их в реальность.

- Пора уходить. У нас час, чтобы привести всё в порядок. Никто не должен ничего заметить.

Высыпавшуюся землю удалось собрать и запихнуть в нишу, в которой оставили и саму шкатулку. Здесь пригодились женщины, а также совок и веник, найденные в углу комнаты. Затем на свое место был вставлен кирпич, вместо раствора укрепленный тремя жвачками, активно разжеванными участниками операции. Карта водружена на свое место, и участники операции покинули помещение музея, отблагодарив сторожа благословением от шаманки и купюрой от Матвея.

Домой вернулся Матвей один. Дамы его временно покинули, сославшись на неотложные дела. Всё было понятно – как ни тиха бурятская ночь, но камень надо перепрятать!

К обеду следующего дня во двор торжественно въехал новенький УАЗик Игната. Торжествующий казак вышел из кабины и с видом триумфатора развел руки в сторону. Собаки сначала облаяли незнакомца, но потом дружно обмочили его колеса и

успокоились. Игнат продемонстрировал новенькие документы на машину, где он значился законным владельцем.

- В ГАИ тоже есть люди! Но майор – жучила.. В том джипе были еще пару хороших австрийских пистолета, автомат УЗИ и боекомплект к ним. За них мне майор отвалил свой классный винторез и портативный генератор! Хотел еще пулемет впарить, но я отказался. И так жалко ракеты без аварийного питания оставлять...

Матвей хотел остудить разошедшегося Игната вопросом о том, а где же холодильник «Розенлев» и стадо баранов, но передумал. Он живо представил себе, как торгуются два ушлых человека в камуфлированной форме. Один – с майорскими погонами, второй - с лычками Лесного ведомства. Как они спорят, кричат, божатся и хватают друг друга за погоны. Казаки, одним словом...

Оставшийся день посвятили рыбалке. Вопреки традиции молчать во время этого священного действия, Игнат не отходил от Матвея и прожужжал тому все уши о достоинствах новой машины, комфорте и технических прибабасах, проходимости и защите от пыли. Матвей, поймав пару рыбешек, даже отказался от ухи и пошел собирать вещи.

Вечером за столом Айшат, отсутствовавшая со своей дочкой целый день, была молчалива и очень приветлива. Матвея это сильно тревожило ожиданием новой вводной от Великой матери богов, но все завершилось на спокойной ноте.

Утром Игнат, всё еще гордясь новой машиной, отвез Матвея к станции. Уже у вагона, неуклюже пытаюсь обнять сослуживца, тихо сказал.

- Спасибо тебе за всё. Извини, коль что не так. Ты нас всех спас. Приезжайте другим разом всей семьёй! Порыбалим! По сопкам побродим! У нас так красиво, а сколько всего связано с этими местами. Ну, да... Кому я говорю.

В поезде, а ехал Матвей в этот раз в плацкартном вагоне, уезжавшие из увлекательного путешествия по Алтаю и Бурятии туристы пели песни, смеялись и рассказывали удивительные легенды про историю Байкала, царское золото и железную дорогу, проложенную по льду озера талантливым российским инженером.

В Иркутске на вокзале Матвея встречал Александр, в официальном костюме и на черной иномарке с водителем. Заметив взгляд Матвея, Александр усмехнулся и сказал.

- Да, теперь я – заместитель главы администрации, курирую все вопросы военного строительства. Обращайся...

- Буду строить себе новую военную базу, обращусь... - буркнул Матвей, садясь в машину. Поговорили, пока ехали в аэропорт.

- Судя по тому, что не позвонили, все обошлось. Слушал, много всего у вас там произошло, хорошо, вас не задело. Не задело, ведь? – он внимательно посмотрел на Матвея.

- Нет, все события как-то мимо прошли, - ответил честным взглядом Матвей, - за советы и сверток «для Игната» спасибо. Обманка сработала. Камера хранения не нужна оказалась. Её ведь на случай моего бегства мы готовили? Кстати, вот возьми квитанцию. Там в твоей сумке новый тренировочный костюм лежит. Можешь себе оставить, как сувенир, или Игнату отдать.

- Ты хотел в тренировочном костюме в Москву лететь?

- Извини, на той станции магазина «Армани» не увидел...

- «Армани»... Странные вы всё-таки люди, москвичи. Ну ладно, спасибо тебе за помощь. Искренне. И будешь еще раз в наших краях, позвони. Вот тебе моя новая визитка с личным номером.

Да, чуть не забыл, ветераны – интернационалисты все-таки протолкнули закон о признании ветеранами боевых действий всех участников зарубежных операций. Скоро пригласим нашего Игната

на вручение ему удостоверения и почетного знака. Так что все льготы он, наконец, получит и не надо будет прежние заслуги скрывать. И ту награды, к которой тогда он был представлен, получит. Сколько лет она ждала, но мы нашли, наши ребята по моей просьбе в архивах поискали и нашли.

- В каких архивах? - насторожился Матвей.

- Архивах Министерства обороны. Не переживай. Про группу лжеархивариусов, благодаря одному найденному в Бурятии труппу и документах при нем, уже известно. Говорят, что работа по ним ведется. Хотя, знакомые сообщили, что там столько известных лиц оказались причастны, что дело скорее всего «спустят на тормозах», за отсутствием состава преступления. Несчастный случай на нелегальных раскопках. Да еще оружие нашли на трупах...

- Спасибо тебе, Сашко, как зовет тебя Игнат. Вот еще, возьми, это тебе Айшат передала, - Матвей протянул Александру кожаный мешочек, в котором явно прощупывалась монета.

Дома оценили загар и купленные в аптеке иркутского аэропорта целебные косметические наборы из сибирских трав, заявив, что теперь их очередь ехать отдыхать.

- Не всё же тебе на курортах нежиться...

Справедливо!

Через несколько дней, когда, проводив семью на теплое море, Матвей сидел в воскресный вечер перед телевизором, в дверь внезапно позвонили. Ох, не любил Матвей поздних звонков и визитов, но пришлось открывать. Стоявший за дверью военный в форме летчика быстро передал Матвею увесистую коробку «от друзей с Байкала», и, отказавшись от рюмки чая, убежал по своим делам.

Распаковав коробку, своим чудесным копченым запахом отвергавшую всякую мысль о возможной провокации, сверху Матвей обнаружил открытку с видом Байкала и с подписями

Александра, Игната, Айшат и Аяны. В посылке были благословенные дары Сибири – копченые омуль и оленина, баночки с вареньем и бальзамом, грибы в сухом и соленом виде. Даже пирогам и сладкой выпечке нашлось место. На дне посылки лежал конверт, в котором Матвей нашел вырезки из местных газет и фотографию.

В одной заметке сообщалось о вручении Игнату боевой награды и удостоверения участника боевых действий, знака воина-интернационалиста. Статья из местной газеты повествовала об обнаружении в Байкале остатков внедорожника из московского региона с двумя телами, при которых было найдено оружие и портативная компьютерная техника, на магнитных носителях которой следователи обнаружили большое количество информации криминального характера. Выдвигается версия, что погибшие в результате горного оползня люди были связаны с нелегальным поиском культовых и исторических ценностей не только на территории Забайкалья, но в значительно больших географических размерах.

Маленькая заметка из местной прессы сообщала, что в ходе ремонта в здании местного музея была обнаружена спрятанная в стене малахитовая шкатулка, датируемая 18-ым веком и представляющая определенную историческую ценность. Шкатулка будет выставлена в этом же музее как образец ювелирного мастерства сибирских мастеров.

И, наконец, большая цветная фотография. В свете мощного прожектора снята внутренность сталактитовой пещеры. Хорошо видна высеченная из камня культовая фигура женщины, на обнаженной груди которой в обрамлении каменного же ожерелья виден большой светло-зеленый минерал. В свете прожектора он буквально лучится, словно свечение исходит из самого камня. Сбоку от изваяния видна стройная фигурка в национальном бурятском одеянии шаманки, с развевающимися черными волосами, в которые вплетены разноцветные ленты. В руках

шаманка держит огромный бубен. На левой руке, держащей край бубна, отчетливо видны шесть пальцев.

Волна воспоминаний нахлынула на Матвея. В такой вечер нельзя было оставаться одному, в окружении химер своей памяти. Звонок профессору, и вот Матвей входит в хорошо известную столовую с неизменным запахом выпечки. Выложив на стол дары Сибири, Матвей с любопытством посмотрел на хозяев. Ему казалось, что с момента их последней встречи прошла вечность, и мир изменился, сделав в ускоренном режиме несколько витков вокруг оси времени. Но профессор совсем не изменился, сияя белой шевелюрой и голубыми глазами под тонкими стеклами своего пенсне. Тощий и длинный зятек («Паганель», так кажется его окрестил Матвей в тот, первый, раз) не отъелся на щедрых харчах. Но на его шее появился веревочный шнурок с медным крестиком. А профессорская внучка заметно округлилась в боках, прибавила в груди и улыбается как-то застенчиво. «Поздравляю! Но как быстро у вас, староверов всё это делается... Молодцы, не отстаёте от времени!»

Отставив неинтересные всем подробности, Матвей красочно и подробно рассказывал о своей поездке, встрече с сослуживцем, посещении места строительства ледовой переправы через Байкал. Отдельную главу своего рассказа он посвятит вопросу шаманизма в Бурятии, его истории и традициям, галерее Богов и сути верования в Тэнгри.

- Не хотите у нас на кафедре попробовать защититься по этой теме? У вас хороший материал. Готовая монография, готов напечатать, - Аполлинарий Инокентьевич нашел в рассказе знакомую тему.

«Паганеля» интересно нынешнее состояние железных дорог в байкальском крае, а внучку Машу – тайны приготовления байкальских пирогов.

Во время шумного застолья его участники, не без настойчивой инициативы Матвея, активно налегали на байкальские настойки, к которым потом присоединились тоже доморощенные напитки профессорских кладовых. Когда Матвей выходил на улицу к такси и по пути домой, в его голове отчетливо крутились старообрядческие кресты и бубны шаманов, чашки с наскальными рисунками и светящиеся минералы, ящики с золотом и летящие в водный поток машины.

Африканские маски сменялись безглазыми бурятскими божествами, добрые и злые духи кружились над головой.

Черти безрогие, черти рогатые, черти на метле, чёрт в бороду, бес – в ребро...

Стоп!

Возьми себя в руку, Матвей! Это – уже совсем другая история.